

ПОДДѢЛКА

3
Fabrication de
fausses

ГРЕЧЕСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

antiquités grec
q

НА ЮГѢ РОССІИ.

au S. de la Russie

—
A. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДА.

A. Berthier - Delagarde

—
Одесса

Odessa

«Экономическая» типографія, Почтовая улица, домъ № 43

1896.

ПОДДЪЛКА
ГРЕЧЕСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ
НА ЮГЪ РОССИИ.

А. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДА.

Одесса
«Экономическая» типографія, Почтовая улица, домъ № 43.
1896.

Печатано по определению Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
Вице-Президентъ *В. П. Юрссина*.

(Отдѣльный оттискъ изъ XIX-го тома «Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества
Исторіи и Древностей»).

Появившийся впервые коллекционеръ вмѣстѣ съ собою вывелъ на свѣтъ Божій и поддѣльщика; это, думаю, такая аксіома, которая, безусловно, не требуетъ доказательствъ. Примѣняется это положеніе ко всякимъ собраніямъ, а въ томъ числѣ, къ несчастью, и къ археологическимъ, и даже къ этимъ послѣднимъ преимущественно. Я сказалъ, къ несчастью, но такъ-ли это вполнѣ? Мнѣ кажется, что и здѣсь, до известной мѣры, нѣтъ худа безъ добра. Думается, что поддѣлки, составляя отчаяніе всякаго собирателя, любителя, знатока, музея, въ то-же время вносятъ въ это дѣло ту жизненную, бьющую струйку борьбы, въ которой напрягаются наши знанія, вниманіе, осторожность, что и придаетъ особый, высокій, вкусъ всякому коллекціонированію. Безчисленны и разнообразны ухищренія поддѣлки и приходится работать всѣми способностями, всѣми соображеніями, чтобы не попасться, а, попавшись, выучиться и стало быть заплатить за науку не напрасно. Не будь этихъ тревоженій, ожиданій, сомнѣній—всякое коллекціонированіе потеряло-бы добрую долю своей привлекательности. И чѣмъ тоньше, чѣмъ выше, чѣмъ искуснѣе поддѣлки, тѣмъ завлекательнѣе становится игра. Это, конечно, личные ощущенія, которымъ, быть можетъ, не всякій придастъ значеніе, тогда я попрошу вспомнить нѣчто гораздо болѣе серьезное, тѣ высоко научныя, часто блестящія страницы и цѣлыя сочиненія, которыя были вызваны поддѣлками. Сколько ума, сколько знанія, соображенія, громадной начитанности, самой высокой эрудиціи тратилось на доказательства подлинности поддѣльнаго, или поддѣльности будто-бы подлиннаго; сколько все это возбуждало полемику, сколько вносило жизни, въ довольно таки сонный, подчасъ чуть что

не мертвый миръ археологическихъ изысканій. Все это не пропало безслѣдно, а служило основою самыхъ положительныхъ знаній; и если-бы нашли способъ на всегда искоренить всякую поддѣлку, то это не безусловно послужило-бы на пользу науки.

Въ послѣдніе годы особенно часто приходилось все это вспоминать, особенно много думать и волноваться, потому что никогда еще поддѣлки не доходили, у насъ на югѣ Россіи, до такихъ высоко цѣнныхъ, и часто искусныхъ произведеній; никогда онѣ не были столь распространены, а наглія мошенничества безнаказанны. Когда я вспоминаю видѣнное мною въ послѣднее время, то начинаю думать, что мою полусуточную защиту пользы поддѣлокъ пора замѣнить основательнымъ сопротивленіемъ этому промыслу, получившему доселѣ у насъ невиданное развитіе. Попробовавъ сдѣлать кое что, въ этомъ направленіи, въ практической жизни, я тутъ-же увидѣлъ, что одному и даже нѣсколькимъ частнымъ лицамъ это совершенно не подѣ стать; сюда необходимо привлечь всѣ археологическія силы и, если возможно, внести въ это дѣло мѣры правительственныя и полицейскія, нынѣ совершенно здѣсь не прилагающіяся. Грошевый обманъ продавца, на рынкѣ или въ магазинѣ, даже только предполагаемый, безъ затрудненія будетъ преслѣдоваться всякими судебно-полицейскими властями, а я знаю нѣсколько примѣровъ самыхъ крупныхъ и наглыхъ обмановъ продавцевъ древностями, гдѣ потерпѣвшіе совершенно отказывались отъ какого-бы то нибыло преслѣдованія, потому что въ помощь имъ никто не хотѣлъ прійти, а всякія формальности дѣлали преслѣдованіе почти невозможнымъ. Вещи поддѣлываемые, даже поддѣланныя и продаваемые, никто не можетъ задержать, надо чтобы прежде ими кого либо надули и тогда только потерпѣвшій, и только онъ одинъ, получаетъ право жаловаться. Весьма часто обманутый даже этого и не знаетъ, а узнавъ всегда бросаетъ все, лишь бы не пускаться въ безконечную процедуру, для которой у него нѣтъ никакого оружія, такъ какъ всѣ продажи дѣлаются не на площадяхъ, а дома, безъ свидѣтелей, или съ помощью совершенно ненаходимыхъ и неизвѣстныхъ третьихъ лицъ. Обыкновенно при обнаруженіи надувательства всего болѣе и чаще услышишь насмѣшки надъ обманутымъ, но я думаю, что это едва-ли основательно; далеко не всегда

обманутыми бывают простые малоопытные любители, будто-бы взявшиеся не за свое дѣло; не мало можно указать примѣровъ обманутыхъ самыхъ крупныхъ ученыхъ и спеціальныхъ учреждений и хотя мы все очень склонны позлорадствовать надъ товарищемъ, но въдѣ тутъ легко станется, что прійдется смѣяться надъ самимъ собою, а это едва-ли доставляетъ кому особое удовольствіе. Да наконецъ и простые, малоопытные любители, не только не заслуживаютъ насмѣшки, но напротивъ, имъ то въ особенности, ученые люди и учрежденія, должны оказывать наибольшую помощь и защиту. Всегда слѣдуетъ помнить, что мелкіе, даже малограмотные любители, это тѣ капли, струйки, ручейки, изъ которыхъ всегда составлялись и впредь будутъ составлять рѣки и моря обширныхъ государственныхъ и общественныхъ древнихранилицъ, которыя также невозможны безъ мелкихъ любителей, какъ невозможенъ банкиръ-капиталистъ безъ работника. Съ этимъ мнѣніемъ, вѣроятно, наши правящія археологическія учрежденія не вполне будутъ согласны, о чемъ останется лишь пожалѣть, потому что только широкое размноженіе мелкихъ любителей и собирателей можетъ спасать и сохранять находки, доставляя прочный матеріалъ фундаменту науки; безъ этого рода любителей одні репрессивныя мѣры приведутъ къ весьма немногому.

Наконецъ, въ дѣлѣ распростраенія поддѣльныхъ древнихъ вещей есть еще одна сторона, по моему самая опасная, — это не только возможное, но даже и неизбежное пониженіе археологическаго чутья, если только допустить чрезмѣрное размноженіе поддѣлокъ. Я думаю имѣть нужды доказывать, что вся археологія основана на изученіи подлинныхъ вещей, но сама подлинность познается опытною, возможно большимъ знакомствомъ съ вещами, такъ сказать, постояннымъ держаніемъ ихъ въ своихъ рукахъ; при отсутствіи всего этого никакая книжная ученость не поможетъ, въ большинствѣ случаевъ. Я знаю совершенно безграмотныхъ продавцевъ или кладовщиковъ, которыхъ нельзя было-бы поймать поддѣлками, легко сошедшими за подлинныя у крупнѣйшихъ ученыхъ; въ этихъ случаяхъ несомнѣнная ученость не смогла замѣнить отсутствіе опыта, да такъ и всегда будетъ, по самой сущности дѣла; знатоку практику довольно одного взгляда, тамъ гдѣ цѣлые ученые трак-

таты окажутся бесполезными, или несвоевременными. Таким образом, если вообразить себѣ ученаго археолога воспитаннаго на поддѣлкахъ, то можно утвердительно сказать, что при всей его учености, не только вѣрнаго археологическаго чутья у него не вырабатается, но даже и подлинныя вещи ему покажутся фальшивыми. Вотъ въ этомъ и лежитъ главная опасность большаго распространѣнія поддѣлокъ, особенно драгоценныхъ: ихъ наберутъ разные музеи или любители, отъ которыхъ все это перейдетъ въ музеи уже съ печатью нѣкоторой подлинности. Признать фальшивую дорого стоящую, особенно золотую вещь, не охотно рѣшаются вообще всѣ, а часто даже и не могутъ; еще труднѣе рѣшаются, какъ бы слѣдовало, уничтожать все поддѣльное и вотъ, постепенно, поддѣлокъ все болѣе и болѣе прибавляется, глазъ на нихъ воспитывается, а затѣмъ теряется или не вырабатывается и то точное чувство пониманія подлинной древности, безъ котораго не возможно не только изучать или понимать коллекцію, но и составить ее. Ни для кого вѣдь не тайна, что даже крупнейшія древнихранилища не избавлены отъ многихъ поддѣльныхъ вещей, именно указаннымъ путемъ туда проникшихъ и тамъ удерживающихся, часто изъ чувства совершенно ложнаго стыда; уже и теперь въ высокой степени желательно очищеніе музеевъ и если не уничтоженіе всего поддѣльнаго, но многимъ побочнымъ причинамъ часто невозможное, то хотя бы выдѣленіе въ особыя витрины, съ очевидными, ясными отмѣтками всего, не только явно поддѣльнаго, но и сомнительнаго. Я не буду болѣе распространяться на эту тему, она и сама собою, для всѣхъ сколько нибудь опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, вполне понятна.

Ниже я представлю нѣсколько примѣровъ, пока-же скажу, что поддѣлки всегда бывали у насъ на югѣ, иногда довольно ловкія, но все-же все это вертѣлось на мелочахъ и появлялось относительно рѣдко и въ единичныхъ экземплярахъ; въ послѣдніе годы поддѣльныя вещи стали появляться въ большемъ изобиліи, преимущественно очень цѣнныя, причемъ онѣ замѣтно и быстро улучшаются въ качествѣ и увеличиваются въ количествѣ. Надуваютъ на тысячи и десятки тысячъ рублей и вовсе не однихъ доморощеныхъ любителей; перелеза свою дѣятельность за границу, съ успѣхомъ обрабатываютъ крупныхъ тамошнихъ ученыхъ и еще болѣе

крупныя учрежденія. Все это, быть можетъ, и лестно артистическому чувству очаковскихъ торговцевъ, но становится въ высокой степени опаснымъ, а потому и должно употребить всяческіе способы для сокращенія такого производства.

Не буду предлагать какія-либо мѣры законодательнаго или полицейскаго характера, думаю, что обсужденіе этихъ мѣръ дѣло общее и что ему здѣсь не мѣсто, да и не чувствую въ себѣ достаточно увѣренности въ этомъ смыслѣ. Замѣчу лишь, что все это дѣло поддѣлокъ далеко не такъ просто, какъ кажется; касается оно весьма многихъ сторонъ археологій, жизни и законодательства; замѣшаны въ немъ не одни простые мошенники, но несомнѣнно и люди стоящіе гораздо выше, грамотные, образованные, почти ученые. Миѣ кажется, что съ успѣхомъ взяться за него можетъ только одна Императорская археологическая коммиссія, если угодно, съ помощію археологическихъ обществъ и музеевъ. Самъ я могу только попробовать помочь въ этомъ дѣлѣ единоличными своими силами. Приходилось миѣ многое покупать, еще больше видѣть и слышать, попадаться самому, видѣть это, въ самыхъ крупныхъ образчикахъ, на другихъ; миѣ кажется, что если я изложу все, что знаю о всяческихъ поддѣлкахъ у насъ, то все это можетъ быть небезполезнымъ. Не льщу себя надеждою научить ничего не знающихъ, это совершенно невозможно, но думаю, что смогу обратить вниманіе знатоковъ на нѣкоторыя подробности, безполезныя для нихъ. Далеко я отъ мысли запугать поддѣлку моими разсказами, но она станетъ, быть можетъ, нѣсколько осторожнѣе и будетъ искать путей менѣ торныхъ и обычныхъ, а стало быть и болѣе трудныхъ. Впрочемъ, миѣ кажется, что большія поддѣлки теперь, на нѣкоторое время, сократятся; товарищество поддѣльчиковъ, послѣ крупно-успѣшной дѣятельности послѣднихъ лѣтъ, завершившейся блестящимъ, неслыханнымъ, парижскимъ мошенничествомъ, заработало такъ много, что, вѣроятно, затихнетъ на нѣкоторое время.

Прежде чѣмъ я перейду къ описанію разныхъ поддѣлокъ, позволю себѣ остановиться на одномъ общемъ вопросѣ, который, вѣроятно, не одному миѣ приходилъ въ голову, а именно, чѣмъ объяснить необычайное развитіе поддѣлокъ въ послѣднее время. Это вопросъ не совсѣмъ праздный, потому что отъ его рѣшенія могутъ

зависѣть и мѣры противу поддѣлокъ. Основной, общаго характера, отвѣтъ на поставленный вопросъ, будетъ въ указаніи чрезвычайнаго вздорожанія древностей въ послѣдніе годы. И не ошибусь, если скажу, что даже только за послѣдніе пять—шесть лѣтъ, цѣны чрезвычайно повысились, о чемъ особенно удобно судить по монетамъ, бывшія цѣны которыхъ хорошо извѣстны, а сами монеты просто и легко сравнимы, такъ какъ въ расчетъ могутъ приниматься одинаковые, даже почти тождественные экземпляры; цѣны монетъ, по крайней мѣрѣ, удвоились за это короткое время. Объ иныхъ предметахъ древности трудно высказаться рѣшительно, но ихъ цѣнность повысилась еще болѣе, въ особенности стекла и золота, которыя цѣнятся теперь въ три—пять разъ выше. Понятно, что при такихъ условіяхъ поддѣлка стала дѣломъ крайне заманчивымъ, приносящимъ чрезвычайные барыши, какъ то я покажу ниже. И такъ, ближайшая причина усиленія поддѣлокъ лежитъ въ вздорожаніи древнихъ вещей, но причина самого вздорожанія не такъ просто опредѣляется. Въ значительной мѣрѣ, вздорожаніе древностей, замѣчаемое не только у насъ, но повсюду, происходитъ отъ причинъ вездѣ дѣйствующихъ: накопленія капиталовъ, удешевленія денегъ, развитія страсти ко всякому коллекціонированію, наконецъ, отъ совершенно понятнаго и естественнаго нетоженія древнихъ находокъ. Къ этимъ общимъ причинамъ у насъ присоединяются свои: во-первыхъ, полная, совершенная, дѣйствительная неваказуемость и безопасность распространенія поддѣлки и во-вторыхъ усиленіе преслѣдованія хищническихъ раскопокъ. Съ первой причиною, вполне понятною, мы сами ничего сдѣлать не можемъ, а существованію второй слѣдовало-бы даже радоваться, если-бы она не сопровождалась нѣкоторыми, весьма плачевными, обстоятельствами, въ значительной мѣрѣ убавляющими нашу радость. Дѣло въ томъ, что уже довольно долгое, усиленное преслѣдованіе хищничества древностей, его не остановило и даже едва-ли много убавило, но за то придало ему особый характеръ, до крайности вредный въ археологическомъ смыслѣ, такъ какъ простое хищничество чужой археологической собственности обратилось въ хищничество истребительное. Для науки все равно кому принадлежитъ вещь, лишь-бы она была, но вовсе не все равно цѣла она или уничтожена. Прежде, раскопки кладо-

искателей, счастливицковъ, производишь съ толкомъ, найденное вышралось все до тѣхъ, осторожно, съ извѣстнымъ и не малымъ умѣньемъ, почти ничто не пропало, въ этомъ была прямая выгода раскопщика. Дѣлалось все это открыто, а стало быть была возможность донскаться, кто, что, гдѣ и когда нашелъ, даже при какихъ условіяхъ и обманывать во всемъ этомъ не было нужды; а я лично думаю, что три четверти значенія и научной цѣнности всякой древности именно и заключается въ опредѣленіи всего еказаннаго, безъ чего самая вещь, въ большинствѣ случаевъ, теряетъ почти все свое значеніе, становясь скорѣе простымъ предметомъ для любопытства, чѣмъ объектомъ научнаго изслѣдованія. Конечно, далеко не всегда слѣдили за всѣми обстоятельствами находокъ, не обходилось и безъ надувательствъ въ этомъ смыслѣ, но, еще разъ повторю, была возможность добраться до правды, въ особенности послѣ продажи вещи, когда скрывать что-либо, или лгать, уже почти никому и никогда не представлялось выгоднымъ. Совѣмъ иное дѣло теперь. Раскопка идетъ истинно хищническая, какъ ни пошло и что ни пошло, большею частью ночью, хватаютъ, что попадется подъ руку, невольно бьютъ и разбрасываютъ остатки; завозятъ вещи какъ можно дальше, особенно за границу, непременно приписываютъ имъ самое невозможное происхожденіе и не только во время продажи, но и никогда, ни въ чемъ не сознаются, такъ какъ опасность законнаго преслѣдованія всегда остается; по главное, еще разъ повторю, заключается въ неслыханномъ прежде, жестокомъ уничтоженіи массы находимаго¹⁾. Маленькій примѣръ лучше пояснитъ дѣло. Принесли мнѣ въ Одессѣ кучку разныхъ обыкновенныхъ мелкихъ древнихъ вещицъ съ увѣреніемъ, что все это найдено гдѣ-то за Екатеринославомъ, даже деревню называли, я, однако, не сомнѣваюсь, что вещи были изъ Берчи; все это имѣло весьма мало значенія и вовсе мнѣ не подходило, но я случайно увидѣлъ, въ числѣ прочаго, кусочекъ стекла, цвѣтнаго, чрезвычайно рѣдкаго и по окраскѣ и по вѣроятной формѣ посуды; стекло было свѣже разбито, очевидно при находкѣ и такъ какъ продавецъ, повидимому, былъ

¹⁾ Появлялись пекатели, которые въ принципѣ, во избѣжаніе хлопотъ, складываютъ все найденное ими золото; слышалъ объ одномъ господинѣ, съжившемъ 5—6 фунтовъ золотыхъ вещей, въ послѣдніе два—три года.

не перекупишь, а самъ искатель, то я ему предложилъ весьма крупное вознагражденіе (пятьдесятъ рублей), если найдеть еще нѣсколько кусковъ того-же стекла. Прежде это было-бы сдѣлано и безъ моего предложенія, сразу самимъ искателемъ, да и посуда навѣрно не была-бы разбита, теперь-же онъ безусловно отказался отъ моего предложенія, хотя вознагражденіе и превосходило все желаемое имъ за все вещи; такъ прямо и пояснилъ, что не только не рискуеть идти въ то-же мѣсто, но даже не увѣренъ, что его найдеть; такіе случаи стали теперь нормальнымъ явленіемъ. Вотъ это положеніе вещей и создаетъ для поддѣльщиковъ особенно благодарную почву: предлагаемая къ покупкѣ поддѣлка сопровождается всевозможными вздорными выдумками, но все знаютъ, что это-же дѣлается и для самыхъ несомнѣнныхъ вещей; никакая серьезная провѣрка совершенно теперь невозможна, опять-же такъ точно, какъ и для настоящихъ вещей. Очевидно, что прекрасное само по себѣ преслѣдованіе хищническихъ раскопокъ слѣдовало-бы нѣсколько измѣнить, ввести сюда больше мѣстнаго надзора и мѣстной свободы, даже въ значительной мѣрѣ примириться съ незаконными раскопками, но за то ввести ихъ въ раму археологическаго надзора. Подробно здѣсь не мѣсто развивать эти мысли, но приложеніе ихъ, какъ мнѣ кажется, спасеть не мало нынѣ гибнущихъ вещей, избавивъ уцѣлѣвшихъ отъ неизбежности быть въ положеніи не помнящихъ родства, а косвенно повліяетъ на сокращеніе поддѣлокъ. Тѣ-же самыя причины оказывали тѣ-же дѣйствія не только у насъ, но и всюду, напр., въ Греціи, Итали и Турціи.

Перейду теперь къ объясненію поддѣлокъ и къ указаніямъ, какъ, по возможности, отъ нихъ уберечься.

Когда мнѣ случалось попадаться, ни разу не было, чтобы мнѣ это было указано другими; проходило нѣкоторое время, иногда тутъ-же, сейчасъ, я ясно видѣлъ, что пріобрѣтъ поддѣлку и даже рѣшительно доказывалъ это знающимъ, но еще неубѣжденнымъ лицамъ. Видѣлъ, и не мало знаю примѣровъ, какъ многознающіе и высокоученые люди попадались на самыя грубые, самыя нелѣпыя обманы, затѣмъ, разумѣется, охотно признавали это и сами пасть собою подсмѣивались. Не знаю ни одного ученаго, любителя, знатока, которому не случалось попадаться на поддѣлку; отъ этого

избавлены только тѣ, кому не приходилось что либо приобрести, или о чемъ либо высказываться. Изъ всего этого очевидно, что весьма часто не недостатокъ собственнаго знанія или опытности, а нечто иное способствуетъ сбыту поддѣлокъ; такъ какъ у обманутаго обнаруживается очень сложный психологическій моментъ, въ основѣ котораго всего менѣе невѣжества. Это душевное состояніе трудно поддается описанію, но понятно каждому любителю, оно же извѣстно и каждому продавцу, а особенно продавцамъ поддѣльнаго, которые и стараются его подготовить. Подготовка эта крайне многообразна; напр. она состоитъ во всевозможныхъ, сами по себѣ вполне вѣроятныхъ разказахъ, о поѣздкѣ или погонѣ за вещью, ея розыскахъ, трудности и опасности добыванія, загадочности и сложности происхожденія и нахожденія; очень часто, все это за долго подготавливается разными заманчивыми письмами, иногда съ поистинѣ любопытными перипетіями всяческихъ выдуманныхъ походовъ; я знаю примѣры, когда такимъ путемъ даже впередъ получались деньги. Все это клонится къ тому, чтобы заранѣе всячески отвлечь вниманіе отъ самой вещи, помѣшать ее хорошо рассмотреть и не дать возникнуть малѣйшей идѣе о ея поддѣльности. Но главный приемъ и, по моему, наиболѣе успѣшный, состоитъ въ смѣшеніи подлинныхъ вещей съ поддѣльными; дорогую, поддѣльную, вещь окружаютъ многими, но дешевыми настоящими, особенно обращаютъ вниманіе на послѣднія, ихъ выдвигаютъ и о нихъ преимущественно рассказываютъ; въ послѣднее время въ поддѣльныя вещи стали даже вставлять отдѣльныя частички настоящихъ и это дѣйствуетъ такъ сильно, съ такимъ можно сказать гипнотическимъ внушеніемъ, что просто сразу не находишь, что подумать и сказать, разумѣется если заранѣе не предупредить; на этомъ приемѣ былъ основанъ нѣсколько разъ повторенный крупный обманъ одного, впрочемъ только начинающаго, любителя, въ Николаевѣ.

Отсюда я сдѣлаю четыре основныхъ вывода:

1) Никогда не торопитесь покупать вещь, отлагайте это какъ можно дальше, чтобы имѣть возможность спокойно, наединѣ, оглядѣть ее. Кому не случалось тщательно и долго искать какое нибудь изображеніе, ясно видимое собесѣдникомъ въ облакахъ или въ очертаніи горы, всѣ усилія воображенія и даже постороннія уга-

занія ни къ чему не приводятъ; но наступаетъ мгновеніе, когда вы схватываете изображеніе и сами удивляетесь, какъ не видѣли его раньше. Нѣчто совершенно подобное происходитъ и съ сознаніемъ поддѣльности разсматриваемой вещи, поэтому и нужно время. Далеко не всегда и не все мгновенно схватываютъ сущность дѣла, а такая косность и служить на пользу поддѣльщиковъ, она же объясняетъ почему обманываются люди ученые и знающіе. Замѣчу еще, что никогда сколько нибудь добросовѣтный торговецъ, разумѣется съ лицами хотя немного извѣстными, не откажется нѣсколько подождать и самый отказъ въ этомъ является лучшимъ доказательствомъ поддѣльности вещей.

2) Какъ только слышите отъ продавца большіе и особенно сложные рассказы, чѣмъ они вѣроятнѣе, правдоподобнѣе, тѣмъ менѣе давайте имъ вѣры, а вещь считайте поддѣльною и едва-ли когда ошибетесь.

3) Никогда не разсматривайте никакой древней вещи при слабомъ дневномъ и какомъ-бы то ни было искусственномъ освѣщеніи; это безусловное правило особенно важно для золотыхъ вещей. Если необходимость заставляетъ пренебречь этимъ правиломъ, то не составляйте себѣ никакого рѣшительнаго мнѣнія о вещи прежде, чѣмъ не увидите ее при сильномъ дневномъ свѣтѣ.

4) И самое главное: всякую предлагаемую вещь обязательно считайте фальшивою и отказывайтесь отъ этого лишь убѣдивъ себя серьезными доводами въ ея подлинности, а не поступайте обратно, какъ то обыкновенно дѣлается.

Существенное во всемъ этомъ дѣлѣ сохранить хладнокровіе, но долженъ сказать, что это-же и самое трудное, по крайней мѣрѣ для человѣка увлекающагося, безъ чего очень рѣдко можетъ быть знатокъ, любитель.

Отъ общихъ разсужденій я перейду къ частнымъ указаніямъ, для чего древнія вещи раздѣлю по ихъ совершенно внѣшнимъ признакамъ на нѣсколько отдѣловъ¹⁾.

¹⁾ Въ виду особого характера всего этого дѣла я воздержусь отъ какихъ либо личныхъ указаній: надѣюсь, мнѣ простать, что я даже обычныхъ ссылокъ на источники дѣлать не буду, но все сказанное могу, конечно, всегда подтвердить, при необходимости въ томъ.

Надписи.

Въ прежние годы поддѣлокъ надписей не бывало, но крайней мѣрѣ мнѣ не приходилось о томъ ни читать, ни слышать, а тѣмъ болѣе видѣть, что-либо подобное¹⁾; поддѣлки этого рода явились въ послѣдніе десять лѣтъ и, повидимому, составляютъ первый опытъ той шайки мошенниковъ, о которой я буду говорить далѣе. Не существованіемъ ранѣе такихъ поддѣлокъ и можно объяснить удачу первыхъ образчиковъ въ этомъ родѣ, между нашими учеными. Эти первыя попытки, состоявшія изъ мелкихъ свинцевыхъ или асбидныхъ дощечекъ, а скоро вслѣдъ за тѣмъ и маленькихъ мраморныхъ съ загадочными письменами, были до такой степени явны, по рисунку и письму, поддѣльны, что принятіе ихъ за подлинныя только и объясняется неожиданностью ихъ появленія. Не только стили или правильности письма и смысла въ содержаніи, но даже и словъ тамъ не отыскивалось: все это было наборъ какихъ-то монограммъ, буквъ, изображеній. Техника собственно рѣзбы также очень плоха. Маленькія мраморныя дощечки сдѣланы изъ современнаго итальянскаго мрамора, но въ чемъ-то выморены, такъ что получаютъ ржавый цвѣтъ. Хотя все это и было, такъ сказать, пробою пера, но въ сбытѣ обнаружилось не мало ловкости и такихъ плитокъ пуцено въ обращеніе съ десятокъ, если не болѣе; прибѣгали даже къ такимъ мѣрамъ, что дали возможность одному любителю *самому найти* плитку, въ раскопанной *при цели* могилѣ, подъ головою покойника и это долго служило аргументомъ несомнѣнной подлинности очевидной поддѣлки. На этой первичной стадіи развитія дѣло продержалось довольно долго и я знаю только одну попытку (въ нашемъ музеѣ), совершенно безмысленную и крайне плохую по технике, поддѣлать не просто буквы или изображенія, а цѣлую надпись. Затѣмъ, три-четыре года тому назадъ, появляются цѣлыя надписи совсѣмъ иного рода; это уже дѣйствительно большія, полныя надписи, найденныя будто-бы въ Ольвіи и старающіяся сообщить любопытныя свѣдѣнія изъ исторіи этого города. Плиты большія, мраморъ древній, но техника рѣзбы еще плоховата, стиль письма совершенно не выдержанъ, такъ что я, по крайней мѣрѣ, тогда-же не сомнѣвался

¹⁾ Я не считаю поддѣлокъ еврейскихъ надписей въ Чузутъ-Кале, они дѣлались съ совершенно особенною цѣлью и нигуда не распространялись.

въ ихъ поддѣльности; находится двѣ или три штуки въ музеѣ известнаго любителя въ Кишиневѣ. Наконецъ, четыре надписи, довольно большія, въ теченіи 1892—93 годовъ были куплены мною и подарены въ нашъ музей. Это уже очень хорошія произведенія, вполне выдержанныя по стилю буквъ и превосходныя по технике исполненія; даже содержаніе, по мнѣнію знатоковъ, только нѣсколько хромаетъ, съ точки зрѣнія грамматической. Не въ свое оправданіе, а лишь въ объясненіе дѣла скажу, что *всѣ* эти надписи, *всѣми* у насъ, сначала, были признаны подлинными и только послѣ долгаго изученія явилось сомнѣніе и ихъ признали болѣе или менѣе рѣшительно поддѣльными. Лично я, теперь, ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ поддѣльности не имѣю, въ чемъ убѣдился безусловно и вполне, какъ только мнѣ случилось ихъ увидѣть въ музеѣ, рядомъ одна подлѣ другой: сейчасъ стала очевидной *одинаковость* стиля исполненія, еще разъ повторю, очень хорошаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ этихъ поддѣлокъ лежатъ извѣстныя изданія подлинныхъ древнихъ надписей юга Россіи, но составить такія надписи какъ наши поддѣльныя, даже и по этимъ пособіямъ, требовалось умѣнье вообще и знаніе языка и исторіи, а въ особенности стиля, далеко превосходящія не только возможныя у очаковскихъ продавцевъ, но и у близкихъ имъ гимназистовъ; мало того, особенно искусная, чистая и вѣрная рубка буквъ на мраморѣ требовала тоже особо умѣлаго работника, какимъ не могли быть наши обыкновенные мраморщики. Для меня нѣтъ сомнѣнія, какъ будетъ видно и изъ дальнѣйшаго, что товарищество поддѣльщиковъ сумѣло привлечь къ себѣ людей, дѣйствительно знающихъ довольно много и превосходныхъ работниковъ. Технические трудности этого дѣла гораздо больше чѣмъ-то кажется и ими только объясняется, почему у насъ на югѣ не появлялось поддѣльныхъ надписей, даже въ Керчи, кромѣ вышеописанныхъ, которыя всѣ продавались очаковскими евреями и выдавались ими какъ найденныя въ Тирѣ, Ольвіи, или ея близкихъ окрестностяхъ. Древній мраморъ для поддѣлокъ добывался, какъ теперь доказано, частью изъ Ольвіи, а частью изъ Керчи, гдѣ часто находятся краткія, не имѣющія значенія, надгробныя надписи которыя стиралась и на ихъ мѣстѣ рубились длинныя, соответствующія ольвійской исторіи и весьма занимательныя.

Эти подделки, стоившія огромнаго труда, приносили слишкомъ мало¹⁾ и при первомъ подозрѣніи (съ 1893 года) совершенно прекратились, да, конечно, скоро и не возобновятся, такъ какъ простые любители такихъ вещей не покупаютъ, а нѣсколько опытные и тѣмъ болѣе знатоки, все достаточно выучены, чтобы болѣе не обманываться. Въ будущемъ, слѣдовательно, надо все это помнить, по можно быть увѣреннымъ, что новыхъ большихъ надписей не появится и вотъ почему излишни описанія какихъ-либо характерныхъ признаковъ, отличающихъ поддѣльныя надписи, даже если-бы такое описаніе было-бы легко выполнимо. Все мелкія надписи, на свинцѣ, асидѣ, мраморѣ, особенно загадочныя, гдѣ-либо встрѣчающіяся, въ нашемъ краѣ несомнѣнно фальшивы. Въ самое послѣднее время мнѣ пришлось видѣть нѣсколько поддѣлокъ разныхъ вещей грубѣйшаго свойства и между ними одну маленькую надпись на мраморной плиткѣ; это, однако, дѣло совсѣмъ новыхъ рукъ: буквы рельефныя, что достигнуто рубкою, а затѣмъ травленіемъ камня въ кислотѣ и этого одного признака достаточно, чтобы все подобныя надписи безошибочно считать фальшивыми, не говоря уже о ихъ полной и совершенно нелѣпой безграмотности²⁾.

¹⁾ И, напр. платилъ 50—70 руб. за надпись; знаю, что другіе платили гораздо больше, но все-же все это суммы слишкомъ небольшія для такого сложнаго дѣла.

²⁾ Надпись рельефными буквами, о которой здѣсь говоритъ авторъ, мнѣ удалось видѣть и списать. Она сдѣлана весьма ловко и изящно на мраморной плиткѣ, которую, на первый взглядъ, можно бы принять за пресъ-наше и этимъ объяснить безграмотность надписи. Присмотрѣвшись однакожъ ближе, видно, что ея составитель хотѣлъ ввести въ обманъ покупателя вымышленнымъ историческимъ событіемъ и не твердо зная языкъ греческій и почеркъ древнихъ надписей, дѣлалъ ошибки въ правописаніи и употреблялъ буквы русской азбуки вмѣсто греческихъ. Предлагаю здѣсь самую надпись:

ΔΟΖΑΤΩ ΒΑΣΙΛΕΒΕ
ΙΤΩΝ ΠΕΡΣΩΝ ΟΠΟΣ
ΕΥΔΩΝΗΣ ΟΖΕΤΟΝ ΔΕ
Σ ΠΟΤΙΝ Ζ ΕΡΚΣΟΝ

Буква **Н** записана вместо русской **И**. Греческая **И**, т. е. **ιτα**, записана русской **И**. Вмѣсто **ξ** однажды **КС**. Другія ошибки показаны въ транскрипціи.

Полагаю, что составитель хотѣлъ сказать слѣдующее:

Δόξα τῷ βασιλεῖ τῶν περσῶν, βασιλεὺς
Εὐδῶν (ξ)το(σ)ε τῶν δεσπότη(ν) ἐρ(κ)σον

Имя выдуманно. Надпись можетъ служить лучшимъ образчикомъ подделокъ.

В. Юрсичъ.

Монеты.

Вотъ отдѣлъ, на которомъ поддѣльщики, повсюду подвизались наиболѣе и даже, вѣроятно, съ наибольшимъ успѣхомъ; югъ Россіи, однако очень отсталъ въ этомъ отношеніи, хотя поддѣльныя монеты у насъ извѣстны и распространены, такъ давно, какъ только хватаютъ наши воспоминаія. Каковы бывають поддѣлки у насъ, видно въ особой витринѣ нашего музея, на довольно полной коллекціи, составленной изъ всѣхъ поддѣльныхъ монетъ оказавшихся при разборѣ нашего нумизматическаго собранія, накопившагося въ истекшіе полвѣка. Всего болѣе встрѣчаются привозныя обыкновенныя поддѣлки драгоцѣнныхъ, крупныхъ греческихъ монетъ, всѣ литыя въ формы настоящихъ, изъ самого плохаго, низкопробнаго сплава. Значительное ихъ количество стали выдѣлывать и у насъ въ Ростовѣ и Керчи. Распространены онѣ повсюду въ очень большомъ количествѣ, вѣроятно, за ихъ дешевизну, но подлинными ихъ, рѣдко кто считаетъ, развѣ дѣти. Болѣе искусныя поддѣлки, изъ нашихъ монетъ, встрѣчаются всевозможныхъ родовъ, но вообще говоря очень рѣдко, почему и нѣтъ повода ихъ описывать, да и сдѣлать это болѣе чѣмъ не легко. Намъ особенно интересны только *наши* монеты, т. е. монеты греческихъ колоній прибрежій Чернаго моря, особенно находившихся въ предѣлахъ Россіи. Поддѣлкою этихъ монетъ, за границу, къ счастью, занимался слабо, а у насъ это дѣло было въ ходу только одно время, лѣтъ 10—15 тому назадъ, въ Керчи. Тогда, довольно значительное число любителей, собиравшихъ наши монеты и платившихъ хорошія деньги, вызвало дѣятельность также любителя, поддѣлывавшаго особенно усердно и искусно серебряныя автономныя монеты городовъ босфорскаго царства, преимущественно Пантикапеи. Эти поддѣлки, вѣришь сказать, подражанія чекапились часто на древнемъ серебрѣ и вырѣзывались такъ художественно и хорошо, что надо имѣть весьма большую опытность для признанія ихъ поддѣльности. Никакихъ нелѣпныхъ выдумокъ артистъ не допускалъ, все было просто, вѣрно и строго выдержано и только нѣкоторая сухость рѣзца выдастъ осторожность современной руки; почти всѣ эти поддѣлки были въ серебрѣ и очень мало въ золотѣ. Не могу указать никакого иного удобоопикуемаго признака под-

дѣльности этихъ монетъ, и остается утѣшаться лишь тѣмъ, что эта поддѣлка давно прекратилась, а заготовленныхъ монетъ, еще не проданныхъ, едва-ли много осталось; впрочемъ, слышалъ, что штемпели еще существуютъ и могутъ появиться новыя изданія этихъ поддѣлокъ. Одно время замѣчались въ обращеніи настолько изрядно выполненныя мѣдныя Беркинитскія монеты, что ихъ появленіе злые языки ставили въ связи съ именемъ умершаго извѣстнаго любителя, нумизмата и археолога; сиѣшу завѣрить, что эти слухи не имѣли ни самадѣйшей доли истины. Эта поддѣлка шла изъ Евнаторіи и тоже настолько искусна, что не поддается описанію; она кончилась и уже много лѣтъ миѣ не попадались ея образчики. Затѣмъ, я видѣлъ поддѣлку двухъ монетъ, изъ серіи неизвѣстныхъ приписываемыхъ Евнатору. Онѣ поддѣланы хорошо, но крайне рѣдки, такъ что опытнымъ продавцемъ, совершенно искренно, выдавались за настоящія, никогда имъ не видѣнныя. Хорошей патины на монетахъ дѣлать и у насъ не умѣютъ, да и не пробуютъ покрывать ею хорошія поддѣлки. Вотъ все, что я знаю о поддѣлкахъ трудно отличаемыхъ. Сверхъ этого попадаются, но тоже рѣдко, такія упрощенныя поддѣлки, которыя едва-ли многихъ способны ввести въ заблужденіе: литыя, изъ разныхъ металловъ въ форму настоящихъ, статеры босфорскихъ царей; литыя изъ серебра и даже золота, но въ формы настоящихъ мѣдныхъ; съ грубо вырѣзанными новыми клеймами на подлинныхъ мѣдныхъ. Кажется довольно назвать такія поддѣлки, чтобы отличить ихъ, но должно признать, что начинающіе любители бываютъ, иногда, наивности изумительной; напр. года три тому назадъ, были проданы и довольно дорого, двѣ или три штуки золотыхъ ольвійскихъ, просто на просто отлитыхъ, и къ тому-же скверно отлитыхъ, въ формы обыкновеннѣйшей мѣдной ольвійской монеты, такъ называемаго *чертика* (рѣчное божество и лукъ съ сѣкирой). Товарищество поддѣльщиковъ, съ такимъ успѣхомъ дѣйствующее на подписяхъ и золотыхъ вещахъ, якобы изъ Ольвіи, насколько я знаю, только одинъ разъ попробовало свои силы на монетѣ, приложивъ къ этому большія старанія. Выбрали образцемъ самую цѣнную ольвійскую, единственный извѣстный статеръ, но прибавили къ нему разныя занятія, по ихъ мнѣнію, детали, въ видѣ колосьевъ, передъ головою Деметры

и указанія на выпускъ этой монеты коллегією девяти, штемпель былъ вырѣзанъ и монета чеканилась. Какъ видно и здѣсь указанія были даны человѣкомъ близко знакомымъ съ историко- numиз- тическими сочиненіями по Ольви, по художникъ-рѣзчикъ (какъ го- ворили, какой-то часовникъ въ Николаевѣ) далеко не оказался на высотѣ своего призванія и исполненіе вышло болѣе, чѣмъ сквер- нымъ. Однако, кого то въ Керчи надули даже и такой поддѣлкой; потомъ попробовали отчеканить тѣмъ-же штемпелемъ, но изъ се- ребра, и— тоже обманули одного любителя въ Феодосіи. Дальше это дѣло совсѣмъ не пошло и было брошено, но нѣсколько пригото- вленныхъ экземпляровъ кажется передали одному, наименѣе со- вѣстливому торговцу древностями въ Керчи, который и не задумается пустить ихъ въ ходъ, если замѣтитъ въ покупателѣ боль- шую простоту. Еще разъ скажу, поддѣлка нашихъ монетъ, слава Богу, до сихъ поръ не получила развитія, думаю за отсутствіемъ знающихъ, талантливыхъ рѣзчиковъ.

Гончарная посуда.

Обыкновенная глиняная посуда, совсѣмъ простая, или съ крас- нымъ лакомъ, или съ рельефными украшеніями, совсѣмъ не поддѣ- лывается; цѣны такъ не велики, что не стоитъ того. Чернотлаковая посуда также почти не поддѣлывается, но уже потому, что хорошо поддѣлать черный лакъ, никто не въ состояніи. Однако, мои слова не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что въ этомъ отдѣлѣ древ- ностей нѣтъ и обмановъ; ихъ довольно и тутъ. Посуда, особенно большая чернотлаковая, росписная, вынимается очень часто разбитою и ее приходится склеивать, дополняя недостающее кусками отъ другой посуды, или собственнымъ произведеніемъ изъ гипса, бѣлка съ известью, чужихъ черепковъ, кусковъ черепицы и т. п.; затѣмъ все подкрашивается, гдѣ нужно, современнымъ чернымъ лакомъ, или масляною краскою. Хотя все это дѣлается довольно искусно, а иногда даже и совсѣмъ хорошо, но, внимательно глядясь, всегда можно отличить вклейки и тѣмъ болѣе новую роспись; въ сомнительныхъ случаяхъ не трудно употребить и способъ, о кото- ромъ скажу ниже. Все это почти нельзя назвать поддѣлкою, а обма- нутымъ можно быть лишь при желаніи. Практикуется, довольно

часто, еще подделка, о которой я разскажу въ видѣ образца показывающаго, до чего надо быть осторожнымъ и недоувѣрчивымъ ко всѣмъ разсказамъ. По недостатку времени, отлагая подробное разсмотрѣніе собранія одного молодого любителя, я замѣтилъ, что уже и по первому взгляду вижу кое-что поддѣльное и, между прочимъ, указалъ на большую чернолаковую амфору, съ черными *рельефными* фигурами. Владѣлецъ отвѣчалъ большими любезностями, но и безусловнымъ отрицаніемъ моего опредѣленія, такъ какъ, ваза ему *подарена* хорошимъ знакомымъ, помѣщикомъ, тѣмъ который ее *самъ* и нашель на своей землѣ. До сихъ поръ не могу забыть изумленія молодого любителя, когда я, попросивъ спирту и тряпку, совершенно легко и просто сталъ стирать лакъ съ вазы и ея фигуръ, лакъ оказавшійся простою масляною краскою; а между тѣмъ, въ совершенной подлинности такой, вполне патентованной и гарантированной посуды, казалось, уже не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Я не сталъ говорить о нецѣлности рельефныхъ фигуръ, невозможности ихъ стіла, или уродливости рисунка, все это не всѣми одинаково понимается, но проба лака спиртомъ убѣдительна для каждаго и сдѣлать ее всегда и всѣмъ очень легко; я думаю, излишне прибавлять, что подлинный черный лакъ, не только спирта, но и рѣшительно никакихъ кислотъ и щелочей не боится, и ни отъ чего не стирается. Такія поддѣлки, какъ указанныя, довольно часты но и легко различимы, даже въ томъ случаѣ, когда рельефныя фигуры налѣплены на несомнѣнно подлинныя чернолаковыя и росписныя сосуды, а видѣлъ я и такіе, сравнительно говоря, довольно часто; всѣ они выдѣлывались въ Керчи.

Терракотты.

Въ этомъ отдѣлѣ были и существуютъ и по сей часъ очень многочисленныя и едва-ли не наиболѣе распространенныя поддѣлки. Всего обыкновеннѣе склеиваніе разбитыхъ фигуръ, что было-бы даже полезно, если-бы недостающія части не выполнялись, чѣмъ ни пошло: посудными черепками, гипсомъ, черепицей и т. подобное; иногда, этихъ прибавокъ такъ много, что почти ничего подлиннаго не остается, да и оставшееся, случается, набрано отъ нѣсколькихъ разныхъ терракоттъ; приклейка чужихъ головокъ и вообще состав-

леніе одной фигурки изъ нѣсколькихъ, дѣло самое распространенное. Все такое склеиваніе, производящееся почти исключительно въ Керчи. дѣлается, надо правду сказать, очень искусно; статуэткы подкрашиваются разными составами, подводятся подъ одинъ тонъ, обваливаются въ грязь и дѣлаются, однимъ словомъ, такъ, что весьма трудно отличить даже склейку, а тѣмъ болѣе чужія вставки. Въ этихъ случаяхъ можетъ помочь только самая большая внимательность и особенно тщательный осмотръ внутренности фигурки, гдѣ слѣды склейки гораздо труднѣе скрыть; если-же склейка внутри замѣтна, а вѣнчикъ чѣмъ нибудь покрытъ такъ, что тѣхъ-же слѣдовъ не видно, то такую терракотту слѣдуетъ оставлять у продавца, или купить, но только затѣмъ, чтобы точно добраться до того, что именно въ ней подлинное. Съ такою цѣлью слѣдуетъ, хорошо намочивъ въ водѣ, разобрать всю терракотту на части, которыя разумѣется портятся отъ такого обращенія, но за то подлинность кусковъ выказывается вполнѣ; обыкновенно, послѣ такой операціи, годною остается одна головка, да и то не всегда.

Все это только полуподдѣлки, но въ отдѣлѣ терракоттъ есть и цѣлыя, составляющія собственные произведенія хитроумныхъ керчанъ, исключительно между которыми онѣ и выдѣлываются, распространяясь по всему нашему краю. Эта поддѣлка состоитъ въ дѣланіи и обжиганіи цѣликомъ терракоттовыхъ фигурокъ, что исполняется, или сдѣлавъ слѣпокъ съ древней фигуры, или даже придумавъ все вновь. Первымъ способомъ дѣлаютъ маски, формы которыхъ легко снимаются съ древнихъ; вторымъ болѣе всего дѣлается женскихъ фигуръ, въ разныхъ позахъ, и эротовъ, или мальчиковъ съ птицами. Впрочемъ, долженъ сказать, что во всемъ этомъ изобрѣтательность и исполненіе очень слабы, такъ что казалось-бы немногихъ можно ввести въ заблужденіе; однако, у насъ въ музеѣ довольно много этихъ новыхъ произведеній выдѣлено въ особую витрину съ поддѣлками, и такъ какъ всѣ были подарены извѣстнымъ археологомъ, то, значитъ, при нѣкоторомъ внизаніи, способны ввести въ заблужденіе и не только начинающихъ. Кромѣ очень плохой работы и совершенно современнаго пошиба, главные признаки этихъ поддѣлокъ состоятъ въ слѣдующемъ: онѣ тяжелы, толстостѣнны, грубы, слабого и очень неравномѣрнаго обжига, такъ что цвѣтъ глины,

вообще сизовато-сѣрый, выходитъ полосами, отъ асинднаго до краснаго; въ настоящихъ древностяхъ ничего подобнаго не бываетъ, въ такой степени. Техника исполненія, почти та-же что и древнихъ, но всѣ фигуры гораздо круглѣе, большія съ пустотою внутри и отверстіемъ сзади, маленькія почти всѣ круглыя и полныя внутри. Для большаго убѣжденія въ подлинности, эти издѣлія, очень часто, бьютъ нарочно и потомъ склеиваютъ, со всѣми тѣми-же пріемами, какъ я разказывалъ выше о настоящихъ терракоттахъ. Говорятъ, что будто-бы теперь уже перестали обжигать вновь эти поддѣлки, но ихъ заготовлено такъ много, что именно ими заставлены витрины всѣхъ торговцевъ древностями въ Керчи, Ялтѣ, Одессѣ; повидимому этотъ товаръ имѣетъ хорошей сбытъ, вѣроятно потому, что продается очень дешево.

Въ послѣднее время мнѣ приходилось часто видѣть статуэтки, сдѣланныя изъ мягкаго известковаго инкерманскаго камня и покрашенныя сверху; онѣ изображаютъ какихъ-то нелѣпныхъ богинь, ендичихъ, или стоящихъ, да еще и съ надписями, русскими буквами. Такого-же точно характера есть дѣланныя и въ бѣловатомъ мраморѣ, хорошо потомъ зачерпеномъ и испачканномъ. Все это, кажется, выдѣлывается въ Севастополѣ, какимъ-то досужимъ каменщикомъ и такъ грубо и бессмысленно, что не представляетъ опасности, хотя все-же продается; продажныя цѣны такъ малы, что непонятна возможность ихъ выдѣлки, но дѣло объяснится, если вспомнить, что каменщикъ работаетъ какъ настоящий кустарь-любитель, по змамъ, или праздникамъ, въ свободные дни отъ своего настоящаго дѣла, рѣшительно ни во что не цѣня свой трудъ, неизмѣющій иного приложенія въ это время.

Стекло.

Незнаю отъ чего, но въ послѣднее время стеклянныя вещи, а особенно цвѣтнаго стекла, достигли неслыханныхъ цѣнъ и все-же имѣютъ сбытъ; плата въ нѣсколько сотъ рублей за маленькую цвѣтную стеклянную чашку или флакончикъ стала дѣломъ обыкновеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такія огромныя цѣны давно-бы вызвали поддѣлку, если-бы самъ по себѣ матеріалъ—стекло, былъ доступенъ домашнему производству; но счастію этого нѣтъ, а большіе заводы за поддѣлку не берутся и мы пока отъ нея избавлены такъ, что

виолитъ поддѣльнаго стекла у насъ не существуетъ. Обманы со стекломъ, однако, дѣло самое обыкновенное, но для ихъ избѣжанія ничего кромѣ вниманія не требуется. Всѣ они состоятъ въ склейкѣ битаго стекла, при чемъ недостающее пополняется чѣмъ понало, даже не всегда кусками чужаго стекла, а часто просто подкрашеннымъ клеесвымъ составомъ; все это дѣлается довольно искусно и иногда требуетъ большаго вниманія, чтобы быть замѣченнымъ. Случается, что простую бѣлую посудину нарочно бьютъ, склеиваютъ и внутри покрываютъ подкрашеннымъ составомъ такъ, что получается гораздо болѣе цѣнное цвѣтное стекло; въ маленькихъ экземплярахъ это поддѣлываютъ очень чисто и хорошо. Довольно распространена также выдѣлка одного сосуда изъ частей нѣсколькихъ разбитыхъ. Этими способомъ стремятся получить сосудъ какой либо рѣдкой или даже вовсе небывалой формы. Поступаютъ напр такъ: осторожно отбить длинное горлышко обыкновеннѣйшаго бальзамарія, приклеиваютъ туда-же только верхнй ободокъ того-же горлышка, получается сосудъ необычайной, невиданной формы, а следовательно, на охотника, высоко оцѣниваемый; тѣхъ-же результатовъ, т. е. рѣдкости или необычайной формы, достигаютъ и другими комбинаціями частей разбитыхъ обыкновенныхъ сосудовъ. Все это, какъ видно, открывается внимательнымъ обзоромъ, но исполненное очень искусно заставляетъ иногда не мало потрудиться прежде чѣмъ поймешь въ чемъ состоитъ поддѣлка; надо твердо помнить только то, что всякій клеенный сосудъ непременно заключаетъ въ себѣ какой нибудь грѣхъ, котораго и должно доискаться прежде чѣмъ покупать, или совершенно не покупать ничего имѣющаго малѣйшій признакъ клейки.

Металлы, кромѣ золота.

Поддѣлокъ въ этомъ родѣ почти не существуетъ, что и объясняется, по моему, относительной дешевизной, для не знатоковъ, вещей изъ малоцѣнныхъ металловъ; работать изъ мѣди или серебра также трудно, даже еще труднѣе чѣмъ изъ золота, но вещи изъ послѣдняго продаются во много разъ дороже и покупаются лицами даже весьма мало понимающими древности, прямо какъ цѣнныя вещи сами по себѣ. Изъ серебра я видѣлъ поддѣльную только одну вещь, свѣтильникъ, сдѣланный и продававшійся тѣмъ-же очаковскимъ товариществомъ;

работа очень смѣшанная, мѣстами хорошая, болѣею частью совершенно грубая, въ замыслѣ тоже очень мало смысла. Вся вещь искусственно снаружи окислена и сдѣлана изъ плохаго серебра. Надо замѣтить, что серебряныя издѣлія у насъ находятся рѣдко и къ тому-же бывають обыкновенно такъ сильно переѣдены, что живаго серебра почти не остается; исключенія изъ этого правила еще болѣе рѣдки и находятся развѣ только въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Этого довольно, чтобы ко всякой вещи изъ серебра относиться крайне подозрительно, а если она вполнѣ цѣнна и не глубоко окислена, то по одному этому, почти безошибочно, можно ее считать поддѣльною.

Издѣлія изъ мѣди, по той-же причинѣ, дешевизнѣ матеріала, должны поддѣлываться еще рѣже и дѣйствительно я видѣлъ и знаю всего-на всего только одну такую поддѣлку: большая маска, почти въ естественную величину женскаго лица, съ частью шлема, по ободку котораго, мелкими буквами, набита надпись. Все это разумѣется окислено и перержавлено самымъ усиленнымъ и достовѣрнымъ образомъ. Вещь находится у одного любителя въ Севастополѣ; списать надпись, очень мало разборчивую, я не имѣлъ терпѣнія.

Поддѣлки изъ свинца знаю только въ видѣ тѣхъ попытки сочинить загадочныя надписи, о которыхъ говорилъ въ началѣ; все это относительно небольшія плитки, покрытыя желѣными монограммами, отдѣльными буквами, или грубыми изображеніями. Настоящія свинцовыя вещицы, часто находимыя, почти всегда покрыты болѣе или меньше, особой патиной, осадкомъ извести, крѣпко прикипѣвшимъ къ металлу и отскакивающимъ только въ кислотѣ; этому подражать поддѣльщики не умѣють совершенно, замѣняя патину просто грязью; такого признака достаточно для отличія поддѣлки. Впрочемъ, кромѣ плитокъ и двухъ трехъ пустыхъ вещицъ, никогда не видѣлъ ничего поддѣльнаго изъ свинца, очевидно, по причинѣ дешевизны металла и чрезвычайной легкости поддѣлокъ изъ него.

Золото.

Поддѣлки золотыхъ вещей известны у насъ давно, но все это дѣлалось очень рѣдко и мало поступало въ обращеніе, такъ какъ требовало затраты порядочнаго капитала и изряднаго искусства.

Маленькія полуподдѣлки всегда были и будутъ довольно часты: онѣ состоятъ, напр. изъ набора въ одно настоящихъ частицъ разныхъ ожерелій, подвѣски чужой серьги къ кольцу, прибавки какихъ нибудь камешковъ къ подвѣскамъ, вставки старыхъ стеклышекъ или новыхъ камней, тамъ гдѣ они вынали, и т. п. Все это можно сказать невинно и легко узнается при внимательности. Затѣмъ, лѣтъ 15—20 тому назадъ стали появляться уже довольно крупныя поддѣлки золотыхъ вещей, дѣлавшіяся, говорятъ, въ Екатеринодарѣ, Ростовѣ и Керчи; теперь ихъ что то не видно и развѣ иногда попадаются въ третьихъ рукахъ, часто добросовѣстно видавшихъ въ нихъ настоящія; работа вообще хуже дѣлаемой теперь. Въ послѣднее же время это дѣло пошло впередъ очень бойко и въ обращеніи появилось большое количество крупныхъ поддѣльныхъ золотыхъ вещей, которыми поддѣлены наши любители и собиратели, а затѣмъ и нѣкоторые наши и заграничные музеи. Всѣмъ этимъ мы несомнѣнно обязаны шайкѣ мошенниковъ, которая, слегка попробовавъ свои силы на разныхъ мелкихъ поддѣлкахъ, какъ я показывала выше, рѣшилась взять быка прямо за рога и занялась усиленно поддѣлкою золотыхъ вещей, оставивъ въ сторонѣ все остальное, какъ малоцѣнное.

Нифъ, кажется, удалось пересмотрѣть, если не все сдѣланное этимъ товариществомъ, то все-же очень многое и я могу говорить объ этихъ издѣліяхъ достаточно подробно. Поддѣлывались: золотыя коробочки съ крышечками, или вазочки, фибулы, обувь, серьги, ожерелья, браслеты, пластинки съ разными изображеніями, внижалы, а всего больше золотыя вѣнцы или, если угодно, короны, тиары, діадемы; какихъ либо другихъ золотыхъ вещей я пока не видывала поддѣльныхъ.

Коробочки и вазочки были сдѣланы въ довольно большомъ количествѣ. Идя изъ тѣхъ-же рукъ, онѣ представляютъ довольно изрядное разнообразіе, какъ по качеству золота, такъ и по искусству выполненія, но не по идеѣ. Почти все онѣ непременно отдѣланы сканью, филигранью и зернью; въ ихъ крышечки, а иногда и въ бока вставлены камни, главнымъ образомъ алмазничъ или, гораздо рѣже, настоящіе древніе рѣзные камни. На одной я видѣла чеканное, довольно изящное, изображеніе. На нѣкоторыхъ, вѣроятно первыхъ, употреблено золото низкочерное, съ сильною примѣсью мѣди и вообще вся ра-

бота сразу выдасть поддѣлку; но, затѣмъ, производство значительно улучшается, золото появляется высокаго качества, превосходнаго цвѣта, камни подлинно античныя, а филигрань и зернь такъ хороши, что лучшихъ нечего и желать.

Фибуль я видѣлъ двѣ, обѣ съ сканью, филигранью и вставкою настоящихъ алмазиковъ; на одной изъ нихъ хорошо вычеканена голова Зевса, по точному и хорошему рисунку отрискованнаго бюста; по работѣ эта фибула очень хороша, тогда какъ первая, насколько мнѣ удалось узнать, дѣланная гораздо раньше, значительно хуже, особенно нехорошъ приниой зерни.

Золотыхъ пластинокъ, большихъ, дѣлали немного и я видѣлъ всего штукъ три, изъ нихъ двѣ одного рисунка; одна у насъ въ музеѣ, подарокъ извѣстнаго археолога и любителя, другая въ Петербургѣ, въ частномъ собраніи. Пластинки, въ ладонь величины, изображаютъ окончаніе сестязанія Аполлона съ Марсіемъ: Аполлонъ съ киворою удаляется въ право, увѣнчиваемый богомъ горы (?), слѣва изумленный Марсій; рядомъ съ нимъ Панъ съ свирѣлью, подлѣ нихъ герма Вакха. Рисунокъ довольно хорошъ, но изобличаетъ современный пошибъ работы, а чеканка слабая и боязливо осторожная. Вѣроятно все откуда нибудь заимствовано, но настолько порядочно, что поддѣльность вещи утвердилась несомнѣнно только съ появленія точно такого-же втораго экземпляра, а до этого, не только археологъ-даритель вѣрилъ въ ея подлинность, но и многіе сомнѣвались; извѣстный иностранный археологъ, которому была указана табличка съ этими вещами, не рѣшился безусловно утвердить ея поддѣльность; правда, впоследствии, въ 1893 году, онъ писалъ, что нашъ музей переноситъ поддѣлками, но намъ, во время осмотра музея указалъ только то, что мы и сами таковымъ считали, и все это, очень немного, собрано въ одну маленькую витринку, въ качествѣ образцовъ поддѣлокъ. Мелкихъ золотыхъ бляшекъ въ подражаніе нашиваемымъ на одежду, было подѣлано очень много, просто штампомъ; я видѣлъ изображенія бычьей головы, льва идущаго влѣво, головы мужчины съ бородою и рожками, есть и болѣе крупныя; золото плоховато, очертанія изображеній и края бляшекъ рѣзкія, сухія, почти острыя; все это позволяетъ узнать эти повѣйшія издѣлія. Еще я видѣлъ пластинку совершенно

ного рода, ею кажется хотѣли изобразить что-то въ родѣ современной брошки. Толстое золото, въ серединѣ, рельефомъ, извѣстное изображеніе кентавра, играющаго на флейтѣ и везущаго Эрота, все окружено бордюромъ изъ скани и зерни; такихъ пластинокъ кажется сдѣлано двѣ, одна въ Кишиневѣ, другая въ Николаевѣ. Той-же руки работу военныя застежки въ видѣ двухъ большихъ бляхъ съ чеканнымъ рисункомъ, видѣлъ въ Ростовѣ.

Обувь, въ видѣ башмаковъ изъ листоватаго золота, была сдѣлана, какъ мнѣ рассказывали, въ нѣсколькихъ экземплярахъ; одинъ попалъ къ извѣстному археологу въ Петербургѣ, а другой говорить былъ проданъ за границу; слышалъ, что третій, не находя себѣ сбыта, былъ передѣланъ въ одинъ изъ вѣнцовъ находящихся въ Николаевѣ, какъ я скажу далѣе.

Серьги подѣлывались въ большомъ количествѣ и такъ сказать въ двухъ разныхъ направленіяхъ. Во-первыхъ, серьги въ подражаніе позднимъ серьгамъ въ видѣ полумѣсяца; онѣ дутыя, довольно широкія; иногда все тѣло ихъ въ видѣ изогнутаго дельфина; иногда на концѣ головка барана, или просто оба конца одинаковы; концы такой дутой коробочки соединяются проволокой дужкой, обмотанной крученой ниткой; тѣло коробочки серьги украшено сканью, зернью и даже вставленными стеклышками; внизу къ нему иногда подвѣшено по нѣсколько трехгранныхъ подобій вѣсти винограда, или маленькіе дельфинчики. Почти въ томъ-же родѣ и съ такимъ-же украшеніемъ серьги, дужка которыхъ обмотанная проволокою постепенно расширяется, переходя въ головку змѣи, болѣе или менѣе близкую къ правдѣ. Тамъ и здѣсь плохой припой зерни и дурная работа въ началѣ переходить подъ конецъ въ очень хорошую и совершенно правильную. Такихъ серегъ я видѣлъ штукъ шесть. Вторая серія подѣлокъ серегъ состоитъ изъ широкой, круглой или овальной, золотой пластинки, съ разными подвѣсками, иногда въ три яруса: сверху дужка изъ проволоки крючкомъ. Пластинки изукрашены чеканными головками, или вставкою подлинныхъ древнихъ камней и стеклышекъ, а также, само собою разумѣется, сканью и зернью. Подвѣска состоятъ болѣею частью изъ разныхъ круглыхъ и иныхъ стеклышекъ, непрямьно подлинныхъ, столь легко и обильно добываемыхъ отъ разныхъ провинцій или перетней, въ Керчи; иногда подвѣсками бывають и золотыя пирамидки, въ видѣ виноградныхъ

кисточекъ, украшеніе очень любимое поддѣльщиками и очень часто встрѣчаемое въ подлинныхъ вещахъ. Такихъ серегъ я знаю нѣсколько паръ (одна у насъ въ музей); и въ нихъ тоже замѣтно рѣзкое улучшеніе работы и качества металла.

Браслетовъ мнѣ случилось видѣть только два; одинъ сдѣланъ плохо, дутый, прямоугольнаго сѣченія, со вставкою стекла (античнаго) рабѣшномъ; вся наружная сторона украшена сканью и зернью; закрывается по образцу современныхъ съ шарниромъ и пружиною; другой, уже лучше, въ видѣ крученой проволоки съ дутыми головками и камнями, но все-же, видимо, это производство еще только въ зародышѣ.

Ожерелій я видѣлъ пять штукъ, три въ Николаевѣ и два въ Ростовѣ. Вѣроятно, многіе еще помнятъ крупную находку, сдѣланную въ Ольвинѣ въ 1891 году, вещи изъ которой находится въ Москвѣ и въ свое время возбудили не мало сомнѣній въ ихъ подлинности; онѣ были подробно описаны гг. Орѣшниковымъ и Шварцемъ (Древности Моск. Арх. Общ., т. XV). Самыя вещи я видѣлъ давно и только мелькомъ; теперь знаю о нихъ лишь по рисунку и полагаю, что какъ серьги, такъ и ожерелье, въ общемъ, не только подлиныя, но что именно онѣ и были главнымъ поводомъ, побудившимъ усилить производство поддѣлокъ (хорошо было замечено), подавъ идею для послѣдующихъ поддѣльныхъ ожерелій¹⁾. Два поддѣльныхъ ожерелья въ Николаевѣ составлены каждое изъ пяти золотыхъ бляхъ, частью съ чеканенными на нихъ изображеніями (Деметры, Ники, Тихе), частью со вставкою большихъ и маленькихъ стекель; все это обильно уснащено сканью и зернью. Крупныя бляхи соединены между собою разными мелкими бляшками, которыя прибавлены и по концамъ, по нѣскольку штукъ, чтобы удлинить ожерелье; въ одномъ ожерельи на концахъ приделаны бараньи головки. Кроме того, къ большимъ бляшкамъ и между ними прицѣплены разныя подвѣски, изъ одного золота, или со стеклышками. Третье ожерелье все составлено изъ продолговатыхъ золотыхъ бусъ, соединенныхъ ко-

¹⁾ Въ этомъ ольвинскомъ ожерельѣ, быть можетъ, есть и дутый, поддѣльный, вставки, но, въ общемъ, еще разъ повторю, судя по рисунку, оно подлинно. Глазурированная ваза, той-же находки, также несомнѣнно подлинна.

лечками, по срединѣ бѣла съ червонною головою Зевса, а внизъ, по всему ожерелью, на тонкихъ цѣпочкахъ, въ два ряда, подвѣшаны масли бородатого мужчины съ рожками (взяты съ рисунка ожерелья изъ «Древностей» гг. Кондакова и Толстого) и овальные привѣсы въ видѣ желудей.

Въ двухъ изъ этихъ ожерельй былъ примененъ способъ подвѣшенія подлинныхъ вещей, сдѣланный такъ ловко, что я долго не могъ угадать въ чемъ дѣло. Стекло и камни, конечно, подлинные, но и кромѣ того, въ видѣ подвѣсокъ, употреблено также несколько подлинныхъ очень хорошихъ, частью даже рѣдкихъ, вещей: головка быка, зреть, нѣсколько золотыхъ бусъ въ видѣ амфоръ, всѣ продолговатыя бусы третьего ожерелья. Разумѣется, когда все это будетъ замѣчено, или указано, то впечатлѣніе подлинности исчезаетъ и поддѣлка ясна, но въ первую минуту съ трудомъ соображаешь, въ чемъ дѣло, а это все, что требуется продавцу. Въ Ростовѣ, видѣлъ роскошныя ожерелья, состояща изъ густо плетенной толстой цѣпочки съ подвѣшенными къ ней разной величины пластинками; каждая украшена по срединѣ гранатомъ, окруженнымъ, по всему полю пластинки, въ нѣсколько рядовъ, сканными и филигранными нитями и разной крупноты зернью; все это въ родѣ вышеуказанной фибулы, но превосходной, можно сказать, безупречной работы.

Въ той-же коллекціи, въ Николаевѣ, нашелся золотой вѣнецъ, который для связи дальнѣйшаго, я опишу раньше: это простое подражаніе часто находимымъ въ Керчи негребальнымъ вѣнкамъ съ листочками серебра; сдѣланъ весьма порядочно и могъ бы легко ввести въ заблужденіе, если-бы поддѣльщики не перестарались. По срединѣ вѣнка они вычеканили сцену жертвоприношенія, съ вазоваго рисунка (Baumeister's Denkmäler, стр. 1107), срисовали плохо и смысла рисунка не поняли: Пика вмѣсто парящей надъ жертвенникомъ сдѣлана почти стоящая, фигура флейтчика справа выпущена, а у прислуживающихъ юношей, на вертелехъ, вмѣсто кусковъ жертвеннаго мяса сдѣлано что-то въ родѣ кудели. Глубокоуважаемый Н. П. Кондаковъ, указавшій мнѣ, со всегдашней своею готовностью, источникъ этого рисунка, вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ заявить, что такой рисунокъ и съ точно такими-же ошибками, онъ уже видѣлъ, на днѣ золотой чаши или пилеры, несом-

пынно поддельной, которую продавали, будто-бы, отъ имени какого-то учителя изъ Херсона; это прибавляетъ еще подѣлку къ далеко не полной коллекціи, описываемой мною. Другой вѣнецъ съ листьями находится у меня; онъ гораздо худшей работы вообще и имѣетъ по срединѣ прескверно вычеканенную голову Горгоны, съ ольвійскаго медальона.

Близкаль, или лучше сказать золотая обдѣлка его рукоятки и ножень, находящійся въ Николаевѣ, открываетъ собою серію золотыхъ подѣлокъ, съ надписями, тутъ вѣроятно были собраны всѣ силы товарищества, прежде работавшія врознь, кто на надписяхъ, а кто въ золотѣ. Взять подлинный перерезавленный клинокъ, съ подлинною шишкою рукоятки; затѣмъ предложено, что ножны пропали безъ остатка, а уцѣлѣла только ихъ золотая обдѣлка, сдѣланная по современнымъ понятіямъ и состоящая изъ наконечника, верхней обдѣлки и трехъ промежуточныхъ скобъ; рукоять также вся обдѣлана листовымъ золотомъ. На всѣхъ скобахъ, наконечникѣ и на рукояти вставлены настоящіе алмадины, съ зернью вокругъ; наконечникъ обдѣланъ чешуйками; на верхней скобѣ ножень чеканная голова впрямь Деметры (съ ольвійскихъ медальоновъ), а по срединѣ рукояти голова въ профиль собственнаго, сквернаго сочиненія, неизвѣстно что изображающая. Вверху рукояти, вокругъ и подъ ея шишкою надпись:

ΧΑΡΙΣΤΗΣΑΣ - ΟΡΟΝΤΗΣ ΣΤΡΑΤΗΓΩΣ

Все имѣетъ представляеть очевидную и совершенно нелѣпую подѣлку.

Первый видѣнный мною вѣнецъ — корона, былъ у извѣстнаго любителя въ Кишиневѣ. Это широкій обручъ, изъ хорошаго золота, съ трехугольными зубчиками на верху; на немъ выбиты разные узоры точками или евангелическими нитями, по срединѣ тоже выбиты пальметки, затѣмъ два вадуца, между которыми неизбежная надпись:

ΦΙΛΟΣ Δ ΜΙΤΡΟΣ
ΧΑΡΙΝ ΔΑΔΟΣΣΑΤ
ΟΛΒΙΟ ΠΟΛΙΝΕΡΕΜ
ΑΡΙΧΛΕΖ

Подъ кадуцеями, съ обѣихъ сторонъ надписи, ІСМ; передаю все съ совершенною точностью. Въ общемъ все очень плохо, аляповато и безграмотно, но для продажи вѣнца былъ устроенъ цѣлый любительскій спектакль, съ предварительными письмами, долгими переговорами, подлинными мужиками, прѣзжавшими даже на волахъ и ссорившимися, будто-бы не умѣя или не желая толкомъ раздѣлить выгоды совмѣстной находки; разумѣется, были и неизбежные очаковскіе евреи, будто-бы только сводившіе продавцевъ съ покупателями, а въ дѣйствительности художественно и умѣнно поставившіе всю эту траги-комическую сцену.

Вторую корону принесли мнѣ совсѣмъ другія лица (но несомнѣнно той-же найки), провожающіе будто-бы ничего незнающую старую еврейку, сдѣлавшую необычайную находку и сейчасъ уѣзжающую за границу; пришли въ поныхахъ, поздно ночью. Взглянувъ на вѣнецъ, я имѣлъ неосторожность высказать о немъ свое мнѣніе, отложивъ подробный осмотръ до другого дня. Больше я не видѣлъ ни продавцевъ, ни короны и не могу описать ее, но она была совершенно въ стилѣ вышеописанной и также съ надписью. Быть **можетъ**, это одна изъ тѣхъ, которыя, говорятъ, были проданы за **границу**, какъ я скажу ниже.

Третья корона находится у одного любителя въ Севастополѣ. Это такой-же золотой обручъ, широкій, съ тиснеными разными узорами и пальметками, безъ всякихъ иныхъ изображеній, но съ неизбежною надписью:

ΝΑΕΙΣΔΙΟΥΝΥΣΙΟΥΚΑΙΗΓΥΝΗ-ΑΥΔΕΜΗΞΔΙΟ
—ΝΥΣΙΟΥ

По слухамъ, впрочемъ мало опредѣленнымъ, еще одна или двѣ подобныхъ короны были проданы гдѣ-то за границей, въ Краковѣ или Франкфуртѣ, кажется; больше ничего объ этомъ не знаю, но поддѣльность и этихъ коронокъ несомнѣнна.

Гораздо затѣйливѣе и лучше по исполненію большая роскошная корона, находящаяся въ той-же, обильной поддѣлками, коллекціи

молодого любителя въ Николаевѣ¹⁾. Это очень широкій обручь, изъ довольно толстаго листа, верхняя треть котораго обдѣлана въ видѣ зубчатой стѣны съ такими-же выступающими и поднимающимися надъ стѣною девятью башнями; нижняя двѣ трети обдѣлана въ особый поясъ, верхъ и низъ котораго украшены линиями чеканныхъ пальметокъ, овами и пшитами скаии. Верхній рядъ пальметокъ прерывается девятью выдающимися впередъ головами необычайнаго звѣря, съ львиною мордой, но козлиными рогами; изъ подъ этихъ головъ спускаются на широкую среднюю часть девять чеканныхъ гирляндъ, въ нижнихъ треугольникахъ которыхъ по три круглыхъ стекла или камня, конечно, подлинныхъ. Въ полукругахъ надъ гирляндами разныя чеканныя изображенія: голова Зевса (точно та-же, что показана выше на фибулѣ и также хороша); орелъ на дельфинѣ (съ монеты); рѣчное божество (съ монеты, голова мужчины съ бородою и рожками, сдѣлана недурно); дельфины и рыбы (собственная фантазія, прескверная); голова Артемиды (собственное изображеніе, очень плохое, передъ головою лукъ); голова Горгоны (взята съ ольвійскаго медальона съ головою Деметры, но прибавленъ высунутый языкъ и по парочкѣ змѣй сбоку, лѣзущихъ головами въ волосы Горгоны); судно съ гребцами (собственная выдумка, прескверная); голова Деметры (тоже своя скверная выдумка, точно такая-же, тою же рукою дѣланная, какъ и на вышеописанной, поддѣльной, ольвійской монетѣ, отъ коллегин девяти); наконецъ, львы, терзающіе оленя (исполнены хорошо, но совершенно въ современномъ стилѣ и способѣ работы; взяты, вѣроятно, съ какойнибудь современной иллюстраціи).

Внизу этихъ изображеній, между двухъ нитей и точекъ, длинная надпись кругомъ, въ одну строку: ΚΑΛΛΙΝΙΚΟΣ

ΕΥΞΕΝΟΥ ΑΡΧΩΝ ΑΧΙΛΛΕΙΩΝ Τ
 ΑΡΧΗΙΕΡΑΤΕΥΟΝΤΟΣ ΚΑΛΛΙΞΘΕ
 ΝΟΥ ΥΓΕΡΝΕΙΚΗΣ ΤΗΣ ΑΓΟΤΟΝ
 ΞΚΥΘΟΝ

¹⁾ О ней читалъ докладъ профессоръ Курциусъ въ Берлинскомъ Археологическомъ Обществѣ и признавалъ ее подлинною.

И нарочно описалъ подробно эту корону, чтобы показать всю ее замысловатость; и если прибавить, что она, разумѣется, покрыта почтенными остатками красной патины, а камни и стекла играютъ совсѣмъ антично, то и не очень будетъ удивительна возможность принять ее за настоящую, въ особенности если за деревьями не видѣть лѣса, а въ данномъ случаѣ упускать изъ вида общую логику и духъ античнаго искусства. Очень сожалѣю что, не получивъ согласія владѣльца, не могу приложить рисунка, ни этой короны, ни указанныхъ выше серегъ, ожерелій и т. под.

Мнѣ приходилось уже нѣсколько разъ указывать, какъ произведенія нашихъ поддѣльщиковъ постепенно улучшались, какъ даже въ одной и той-же вещи, наряду съ почти совершенными встрѣчаются прямо нелѣпыя части. Очевидно, что исполнители есть достаточно хорошіе, замыселъ уже сомнителенъ, а рисунки хороши, если повторяютъ подлинное, но никуда негодны, если придуманы самими поддѣльщиками. Несомнѣнно, все это чувствуется самими поддѣльщиками и въ послѣднее время, повидимому, они добыли себѣ хорошаго рисовальщика, тщательно проштудировали все дѣло и создали свой *chef d'œuvre* — я говорю о знаменитой тиарѣ, или колпакѣ Сайтафарна, недавно пріобрѣтенномъ Луврскимъ музеемъ. Какъ ни хорошо это произведеніе, однако и въ немъ, по счастью для насъ, кое-гдѣ проглядываютъ промахи.

Прежде чѣмъ я пойду дальше долженъ сказать, что я слышалъ будто вокругъ этого произведенія возникла большая полемика, за и противъ его подлинности; отчасти съ умысломъ, а больше по невозможности имѣть, въ послѣднее время, подъ руками археологическую литературу, я ничего не знаю положительнаго о существѣ и подробностяхъ этой полемики. Такимъ образомъ, все что я скажу дальше есть продуктъ моихъ личныхъ соображеній, ничѣмъ не навѣянныхъ. Затѣмъ, прибавлю, что этотъ колпакъ Сайтафарна я не видѣлъ, о чемъ весьма сожалѣю, но для меня довольно его хорошаго изображенія въ *Gaz. des beaux arts* (1896, Livrais. du 1-er Mai), чтобы не питать ни малѣйшей вѣры въ его подлинность; и если я и сожалѣю о томъ, что не видѣлъ его, то не потому, чтобы, увидѣвъ, могъ измѣнить свое мнѣніе, — это невѣроятно, — а потому, что

на рисунокъ не все такъ легко замѣтить, какъ на самой вещи, особенно, поскольку дѣло касается патины, весьма важнаго и очень любопытнаго вопроса.

По поводу этого колпака, одному нашему извѣстному ученому археологу было предложено, также извѣстнымъ археологомъ-французомъ, доказать его подлинность или поддѣльность точными указаниями, кто, гдѣ и когда **его нашель**, если онъ подлинный, или сдѣлалъ, если фальшивый. Дилемма не только трудная, но можно сказать совершенно неисполнимая для археолога, сколь-бы онъ ни былъ ученъ; это можетъ сдѣлать развѣ хорошій судебный слѣдователь, да и то не всегда. Но такая постановка вопроса не только трудна; она и невѣрна. Едва-ли много найдется архиподлинныхъ вещей, о которыхъ можно представить доказательства въ желаемомъ смыслѣ и, я думаю, почти вовсе не найдется поддѣльныхъ вещей, даже такихъ нагло поддѣльныхъ, въ которыхъ не усомнится новорожденный младенецъ, о которыхъ возможно утверждение, подкрѣпленное доказательствами: кто, гдѣ и когда сдѣлалъ. Да, наконецъ, подобныя доказательства обладаютъ лишь мнимой достовѣрностью и съ ними совершенно возможны случаи, въ родѣ разсказаннаго выше о томъ любителѣ, который на извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время, самъ лично выкопалъ плитку съ надписью — что не мѣшаетъ плиткѣ быть несомнѣнно фальшивой (случай далеко не первый этого рода). Нѣтъ, доказательства подлинности и поддѣльности вещей основываются на совершенно иныхъ соображеніяхъ, несравненно болѣе прочныхъ и вѣрныхъ, вовсе не требующихъ перемѣны знанія, кто, когда, что и гдѣ нашель, а имѣющихъ въ виду лишь самую вещь.

Ничего точно отвѣчающаго вопросамъ, кто, гдѣ и когда я не могъ доискаться о всемъ вышеуказанномъ; имѣю только подозрѣнія, но не доказательства; ничего большаго я не имѣю и для колпака Сайтафарна. Основываю-же свою увѣренность въ его поддѣльности на весьма многихъ соображеніяхъ. Первыя изъ нихъ касаются стilia вещи, ея рисунка въ особенности. Этого рода доказательства, вѣроятно, представить, несравненно лучше и подробнѣе, лица съ бѣльшимъ авторитетомъ; не могу не замѣтить однако кое-

чего и въ этомъ смыслѣ¹⁾. Цѣлая полоска вверху колнака, волоты изъ листьевъ, есть болѣе ренессансъ, чѣмъ античный рисунокъ. Щены верхней части колнака трактованы совершенно въ современномъ, даже, такъ сказать, легкомъ стилѣ, находясь въ родствѣ съ вышеуказанными поддѣльными пластинками. Рисунокъ нижней части, не только такого-же современнаго пошиба, но и представляетъ удивительную смѣсь другъ съ другомъ несходныхъ изображеній, усмотрѣнныхъ въ разныхъ нашихъ археологическихъ изданіяхъ, а такіа изображенія, какъ скнѣ съ воздѣтыми руками, или лошадь въ укороченномъ видѣ, имѣютъ даже комическій видъ. Впрочемъ, все такого рода доказательства слишкомъ субъективны и далеко не всеми одинаково понимаются, поэтому я и не буду болѣе распространяться на эту тему. Другой разрядъ доказательствъ болѣе общедоступенъ и такъ сказать осязателенъ; я къ нему и перейду.

Человѣкъ не грамотный и жившій исключительно въ странѣ съ плоскими кровлями, вздумавъ, по слухамъ, нарисовать нашъ домъ, легко могъ-бы, не понимая, что онъ дѣлаетъ, изобразить щинецъ крыши по срединѣ фасада дома, но, смѣю думать, подобная ошибка невозможна, не только для нашего художника, но даже и для нашего ребенка; конекъ крыши всякій сдѣлаетъ на своемъ мѣстѣ надъ домомъ. Вотъ такая-то, невозможная ни у какаго древняго художника, ошибка и сдѣлана современнымъ поддѣльщикомъ въ разсматриваемомъ колнакѣ. Въ немъ два различныхъ поля, для рисунковъ и украшеній; эти поля могли-бы быть раздѣлены одно отъ другаго всяческими самыми разнообразными мотивами, но поддѣльщикъ вспомнилъ стѣнные зубцы, очень ему удавшіяся, которыми онъ вывершилъ выше описанную корону и вотъ онъ употребляетъ тотъ-же мотивъ, по срединѣ колнака, въ видѣ простыхъ чертъ, а не въ видѣ настоящихъ зубцевъ. Возможна-ли подобная выдумка для грека, отлично знавшаго, что такое стѣнная корона? Чѣмъ такая ошибка отличается отъ щинца крыши, нарисованнаго по срединѣ дома? Весьма вѣроятно, что поддѣльщикъ вспомнилъ

¹⁾ Я слышалъ, что по этому вопросу есть статьи Фуртвенглера, который, конечно, выискивать все, въ отношеніи стили; этой статьи, сознаюсь, умышленно не хотѣлъ прочесть, пока не кончу свою; чтобы писать безъ вліянія чьего-либо.

современную панскую тиару. съ вѣнцами надѣтыми на нее, идея же колпака вообще, конечно, взята съ подобнаго покрытія, найденнаго въ курганѣ подлѣ Павловской батареи въ 1875 году (Древ. гг. Кондакова и Толстого). По всемъ вышеуказаннымъ поддѣлкамъ на коронѣ должна быть надпись и вотъ поддѣльщикъ, забывъ свои-же прежнія издѣлія, не приготовляетъ ей сколько-нибудь мотивированнаго мѣста, определенной полосы, а прямо валяетъ по стѣпѣ и башиямъ. Смѣю думать, что вышеуказанныхъ ошибокъ вполне достаточно, чтобы утверждать поддѣльность колпака-тиары, вовсе ее не вида и не зная, кто, гдѣ и когда ее сдѣлалъ. Но этого недовольно. Надпись на колпакѣ гласитъ: **НΒΟΥΛΗ**

**ΚΑΙ ΟΔΗΜΟΣ Ο ΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝ ΒΑΣΙ
ΛΕΑ ΜΕΓΑΝ ΚΑΙ ΑΝΕΙΚΗΤΟΝ ΣΑΙΤΑ
ΦΑΡΝΗΝ.**

Вѣроятно-ли, даже возможно-ли, чтобы ольвійцы осмѣлились, грозному царю написать на лбу такую штуку? Но истинѣ, подобная идея можетъ прійти въ голову только современному поддѣльщику, у котораго она, впрочемъ, и совершенно понятна, такъ какъ его воззрѣнія не идутъ далѣе понятія о портепгарѣ, съ надписью, подаренномъ на именины. Наконецъ, если тиара была поднесена Сайтафарну, то какъ ее могли найти въ Ольвіи?

Въ товариществѣ имѣется очевидно мастеръ эниграфистъ; поддѣлывать простыя надписи—поле не обширное и вотъ онъ придумываетъ надписи на всѣ короны, чего у насъ никто и нигдѣ не находилъ, да смѣю думать и не найдетъ на подлинныхъ; выдуманная надпись часто не только вздорны, но даже и не вполне грамотны и вовсе не соответствуютъ тому мѣсту, гдѣ онѣ помѣщены. На колпакѣ Сайтафарна надпись правильна, но невозможна и по своему смыслу и по мѣсту. Надо прибавить, что Сайтафарну особенно повезло у поддѣльщиковъ: были хорошо чеканенныя монеты, будто-бы его; есть въ Петербургѣ поддѣлки съ этимъ именемъ; съ нимъ-же, одна изъ нашихъ поддѣльныхъ надписей, на которой и формы буквъ Δ и Ϝ тѣ-же, что и на колпакѣ; теперь появляется

и колпакъ-тиара, подносимая тому-же царю, очевидно дабы успокоить его потревоженную тѣнь.

Не могу не прибавить, что о всѣхъ дѣйствительно сдѣланныхъ находкахъ, особенно крупныхъ, столь рѣдкихъ, слухи расходятся всюду; наши музеи, а особенно любители и продавцы, всегда знаютъ все случившееся въ этомъ родѣ, да въ огромномъ большинствѣ случаевъ не только знаютъ, но кто нибудь видѣть и самыя вещи; иного иного не бывало и не можетъ быть по самой сущности дѣла. Между тѣмъ, не только любители, но даже ни одинъ изъ продавцевъ, нигдѣ не слышалъ о находкѣ этой тиары и всѣ стали узнавать объ этомъ только изъ газетныхъ слуховъ; дѣло совершенно невозможное, при обыкновенной, дѣйствительной находкѣ. Не малое значеніе, имѣетъ и то обстоятельство, что тиара идетъ изъ Ольви, также какъ и рѣшительно всѣ самыя видныя поддѣлки, описанныя мною выше.

Все это довольно давно написано мною, но только что случай доставилъ мнѣ еще одно прекрасное доказательство поддѣлки тиары, если въ этомъ еще есть надобность.

Въ Ростовѣ одному любителю писали, что парижская тиара поддѣльна, но что подлинная, по которой сдѣлана парижская, сохраняется и можетъ быть ему продана, если онъ согласенъ заплатить хорошія деньги; подиись пейсна. Отсюда не трудно заключить, что уже есть или готовится второй экземпляръ колпака, которому готовятъ дорогу, обыкновеннымъ, всѣмъ намъ знакомымъ, приемомъ; въ свою очередь, второй экземпляръ какой либо сомнительной и рѣдкой вещи, есть лучшее и уже несомнѣнное доказательство ея поддѣльности. И такъ, не только нѣтъ сомнѣній въ поддѣльности этого колпака-тиары, но я даже совершенно убѣжденъ, въ томъ что теперешніе защитники его подлинности, въ самомъ скоромъ времени, будутъ сами изумляться, какъ они могли повѣрить такому обману. А такъ какъ покупатели и защитники люди очень знающіе, осторожные, высокоученые, то, быть можетъ, и они сознаются, что въ этомъ дѣлѣ бываетъ своего рода гипнозъ, внушеніе, которому подлежатъ не одни маленькіе, начинающіе любители. Послѣ такого сознанія возможно ожидать какого нибудь такого

общаго дѣйствія, въ которомъ крупныя звѣзды науки, власть и мучіе, прійдутъ на помощь маленькимъ, для совмѣстнаго выживанія поддѣлки и сдѣлають это не только съ точки зрѣнія общечеловѣческой, но и просто ради собственныхъ интересовъ.

Вмѣстѣ съ колнакомъ, какъ извѣстно, Луврскій музей пріобрѣлъ и ожерелье; рисунокъ его (цинкографія) такъ не ясенъ, что я не рѣшаюсь составить по нему свое мнѣніе, но, судя по описанію и большому количеству *стекляныхъ* подвѣсокъ, подлинность ожерелья весьма мало вѣроятна; надо думать, что въ немъ только стекла и нѣкоторая доля мелкихъ золотыхъ частицъ подлинны. Но возвращусь къ поддѣлкамъ золотыхъ вещей.

Большая часть этихъ поддѣлокъ въ подражаніе подлиннымъ вещамъ покрыта красною патиною; особенно много патины на всѣхъ поддѣлкахъ въ Николаевѣ, на коронахъ и на колнакѣ Сайтафарна, судя по описанію. Это побудило меня заняться вопросомъ о томъ, что такое подлинная патина золотыхъ вещей, такъ какъ въ археологической литературѣ этотъ вопросъ, на сколько я знаю, не затрогивался вовсе; тутъ-же скажу, что я не пришелъ ни къ какому несомнѣнному заключенію, но все-же передамъ свои соображенія въ надеждѣ, что болѣе меня знающіе возьмутся за серьезное изслѣдованіе всего этого. При нахожденіи древнихъ золотыхъ вещей, какъ извѣстно, случается, что золото оказывается покрытымъ сплошнымъ слоемъ какого-то вещества, красно-бураго, даже иногда почти фіолетоваго цвѣта; это вещество лежитъ тончайшимъ ровнымъ слоемъ, такъ сказать немѣющимъ толщины. Такая патина не прочна и стирается отъ тренія даже мягкой кистью съ водою, но однако не все; мѣстами она остается очень крѣпко, какъ-бы влѣвшіеся въ самое золото. Что же это за вещество и какъ оно получается? Разказы о томъ, что эта патина происходитъ отъ вліянія труна, или огня при его сожиганіи, невѣроятны; никакое органическое вещество, въ первомъ случаѣ, не могло сохраниться тысячелѣтія, а въ жару, какъ извѣстно, золото не окисляется. Пробуя крѣпкой соляной кислотой, я не замѣтилъ, чтобы патина въ ней растворялась; въ нашатырномъ спартѣ повидимому она немного растворяется, окрашивая его въ розоватый цвѣтъ. Очевидно, что такихъ элементарныхъ попытокъ недостаточно и необходимъ настоящій химическій анализъ.

Затѣмъ, разсправивъ другихъ, вспоминая видѣнное самимъ, я нашелъ, что патины не бываетъ на вещахъ хорошаго времени, когда и золото было весьма высокопробное; напротивъ, вещи I—III вѣка по Р. X. почти всегда съ патиною, но въ нихъ и золото гораздо хуже, о чемъ можно судить, какъ по его виду, такъ и по тогдашнимъ босфорскимъ статерамъ. Обдумавъ все вышесказанное, приходится остановиться на той мысли, что патина есть продуктъ окисленія самого золота, какъ это ни мало вѣроятно; мнѣ кажется, что это есть такъ называемый касіевъ цуриуръ, соль золота и олова, которая и получается въ тѣхъ случаяхъ, когда въ золотѣ есть примѣсь послѣдняго металла. Весьма вѣроятно, что кромѣ того имѣютъ значеніе и внѣшнія обстоятельства, химическій составъ той почвы, въ которой находится вещь; напр. въ Херсонесѣ, хотя вещи и поздняго времени, а золото низкопробное, но патины на нихъ до сихъ поръ не находили.

Исследуя подлинную патину, я думалъ, что найду какое нибудь химическое средство для отличія ея отъ поддѣльной, но мои надежды не оправдались. Поддѣльная патина совершенно также относится къ кислотамъ и щелочамъ, какъ и настоящая, видъ-же ея далеко не таковъ. Цвѣтъ излишне яркій, почти малиновый, лежитъ она не всюду ровнымъ слоемъ, а мѣстами очень толстыми пятнами, стирая или смывая которая, нигдѣ не видишь, чтобъ патина въблалась въ золото, какъ то бываетъ съ настоящею; наконецъ, отъ кислоты поддѣльная патина не сходитъ, но маленькое инѣшнѣ замѣчается, чего не бываетъ съ подлинною. По всемъ соображеніямъ, поддѣльщики наносятъ на золото тоже касіевъ цуриуръ, но, чтобы онъ держался, чѣмъ-то предварительно смазываютъ вещь, отчего получается и инѣшнѣ и неровные, толстые слои патины. Думаю, что въ изслѣдованіи этого вопроса лежитъ и способъ химическаго отличія подлинной вещи отъ поддѣлки; въ Парижѣ это сдѣлать легко, да и колпакъ Сайтафарна того стоитъ.

Я вообще старался указывать признаки поддѣльныхъ вещей, но для золотыхъ это наиболѣе трудно, если только не считать всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя являются послѣдствіемъ изученія стили и духа античныхъ вещей, но этого къ сожалѣнію не разсказать.

Приходится быть очень осторожнымъ, вспомнить описанныя мною поддѣлки, наконецъ, придерживаться и нѣкоторыхъ признаковъ.

Если вещь очень покрыта грязью, замазана, или имѣетъ неровную, рѣзкими пятнами положенную патицу, она болѣе чѣмъ сомнительна. Надо тщательно приглядываться къ вещи, вѣтъ-ли въ ней какой нибудь случайной ошибки, которая сразу выдаетъ поддѣлку. Выше представлены примѣры подобныхъ ошибокъ и я долженъ сказать, что онѣ то и составляютъ главный камень преткновения для поддѣльщиковъ; къ сожалѣнію, умѣнье открывать такіе промахи получается только долгимъ опытомъ и дается не легко. Появленіе на вещи какого-либо извѣстнаго по кингамъ узора или рисунка очевидно указываетъ и на поддѣльность вещи. На то же указываетъ, несомнѣннѣйшимъ образомъ, повтореніе вещи, если только это не какая нибудь обыкновенная мелочь, въ родѣ пропизи, или простого колечка, сережки. Употребленіе въ большой и цѣнной вещи многихъ простыхъ стеколъ на золотѣ, очень подозрительно, такъ какъ стекло и въ древности едва-ли стоило того, чтобы имъ украшать дорогую вещь; это дѣлалось рѣдко, и болѣе въ мелкихъ и дешевыхъ вещицахъ. Припой филигранны, зерни и прочъ никогда не бываетъ замѣтенъ въ подлинныхъ вещахъ и если онъ отличается по цвѣту или просто даже только замѣтенъ, то вещь несомнѣнно поддѣльная. Надо, впрочемъ, замѣтить, что только первые поддѣлки были съ плохимъ припоемъ, болѣе легкоплавкимъ, чѣмъ зерни и слѣдовательно отличающимся по цвѣту; теперь работаютъ въ совершенствѣ и припой ни по цвѣту, ни по виду отличить невозможно.

Не разъ случалось, что хорошіе золотыхъ дѣлъ мастера признавали поддѣлку настоящею именно потому, что зерни сдѣлана такъ, какъ они дѣлать не умѣютъ, и однако приходится сознаться, что поддѣльщики умѣютъ работать лучше заправскихъ мастеровъ и несколько не уступаютъ въ этомъ отношеніи древнимъ мастерамъ; въ этомъ я убѣждался не разъ, даже прямо для меня была сдѣлана маленькая пластинка, съ зернью и сканью на показъ; работали въ Одессѣ, но посредникъ, не хотѣлъ сказать, кто именно, повидимому, какой-то советскій маленькій мастеръ, содержаемый въ самомъ черномъ тѣлѣ. Часто можно услышать въ доказательство подлинности вещи, что такъ хорошо теперь дѣлать не умѣютъ, но этотъ аргументъ

безусловно невѣренъ. Я выше указывалъ, какъ замѣтно и рѣзко, въ короткое время, улучшилась поддѣлка во всѣхъ отношеніяхъ; доказательство—всѣ послѣднія работы и особенно колпакъ Сайта-фарна, очень хорошо сдѣланный; изъ этихъ примѣровъ видно, что не умѣютъ сдѣлать вещи истинно въ древнемъ духѣ, умно, въ тнѣ, но хорошо, особенно по техникѣ, замысловато и занятно, даже и очень умѣютъ.

Ни малѣйшаго значенія также не имѣетъ дешевизна покупаемой вещи для доказательства ея подлинности, хотя этотъ доводъ и приводится часто какъ рѣшительный. Знаю примѣры, гдѣ вещь куплена дешевле золота на вѣсъ и все таки была поддѣльною. Въ объясненіе этого, казалось-бы невозможнаго обстоятельства, стоитъ только вспомнить, что всѣ подобныя вещи переходятъ черезъ очень много рукъ; конечно, первый поддѣльщикъ хорошо знаетъ цѣну и не продастъ дешевле золота, но послѣдующіе продавцы обыкновенно достовѣрные, которымъ часто вещь попалась случайно, не за деньги, уже ничего не знаютъ, назначаютъ цѣну какую попало и даже имъ не приходитъ въ голову предварительно взвѣсить вещь; это случайность самая обыкновенная. Какъ-то мнѣ пришлось купить кучку завѣдомо фальшивыхъ золотыхъ монетъ, превосходно сдѣланныхъ, прямо на вѣсъ полунимперіаловъ, причемъ древнія монеты были даже гораздо болѣе высокопробнаго металла, чѣмъ наше золото; недавно попалась превосходной работы подлинная золотая вещица прошлаго вѣка, проданная дешевле вѣса ея золота. Всѣ такія, повидимому странныя, обстоятельства легко объясняются разными житейскими случайностями, но никогда не могутъ служить доказательствомъ ни подлинности, ни поддѣльности вещи.

Заговоривъ о стоимости вещей, я думаю, не лишне будетъ сообщить, насколько мнѣ удалось собрать свѣдѣній, во что обходятся вещи самимъ поддѣльщикамъ. Очень часто приходится слышать: если-бы это была поддѣлка, то она обошлась-бы страшно дорого, а между тѣмъ куплена за столько-то, т. е. очень дешево. Въ сожалѣнію, мои развѣдки не оправдали такихъ обычныхъ рѣчей и промыселъ поддѣлки золотыхъ вещей оказывается много выгоднѣе, чѣмъ то обыкновенно думаютъ. Частью разузнавая черезъ третьихъ лицъ, частью собирая справки открыто, у золотыхъ дѣлъ мастеровъ,

я пришелъ къ заключенію, что золотникъ по вѣсу золота въ дѣлѣ, въ такихъ издѣльяхъ, какъ я описывалъ выше, обходится около 7—10 рублей, смотря по трудности работы. Продажную цѣнность почти невозможно опредѣлить, но едва-ли она менѣе 20—30 рублей за такой-же золотникъ, если судить по нѣкоторымъ извѣстнымъ мнѣ примѣрамъ. Конечно, не всегда удастся продать поддѣлку очень выгодно, но я не думаю, чтобы когда-либо приходилось продавать за свою цѣну. Разумѣется, работа такихъ особенныхъ вещей, какъ колпакъ Сайтафарна, стоитъ дороже вышеупомянутыхъ цѣнъ, но полагаю, что самымъ поддѣльщикамъ, вмѣстѣ съ ожерельемъ, это все стоило не болѣе четырехъ—пяти тысячъ рублей, а продано было, говорятъ, почти за семьдесятъ пять тысячъ рублей (двѣсти тысячъ франковъ). Не только изъ этого необычайнаго случая, но и изъ обыкновенныхъ примѣровъ видно, какую громадную выгоду даетъ поддѣлка, именно потому, что обходится гораздо дешевле, чѣмъ склонны мы все объ этомъ думать. Да это и понятно: работаютъ бѣдняки безъ всякихъ магазиновъ, вывѣсокъ, пошленинъ, цѣховыхъ приписокъ и проч. работаютъ при самой бѣдной обстановкѣ и чрезвычайной эксплуатаціи ихъ главными коноводами.

Все то что я рассказывалъ до сихъ поръ въ достаточной мѣрѣ доказываетъ и чрезвычайную выгоду и разпространеніе поддѣлокъ, а ихъ постоянное и быстрое улучшеніе указываетъ на участіе въ этомъ дѣлѣ очень многихъ лицъ, даже такихъ, которые стоятъ повыше простыхъ ремесленниковъ. Самое-же то обстоятельство, что, за незначительнымъ исключеніемъ, все цѣнные или эпитафическія поддѣлки относятся къ Ольвию, или по смыслу своему (надписи, короны), или по объявленію продавцовъ о мѣстѣ якобы ихъ нахождения, совершенно естественно и давно заставляло обращать усиленное вниманіе на Ольвию, вѣриѣ сказать на Очаговъ, черезъ который идутъ какъ подлинныя, такъ и поддѣльныя вещи; думали тамъ и найти всю эту большую мошенническую шайку. Не мало мы все предпринимали разныхъ розысковъ, разспросовъ, частныхъ путемъ разумѣется, но должны сознаться, что все это не привело ни къ чему положительному. Извѣстны три—четыре еврея, которые всегда и во всехъ продажахъ поддѣлокъ принимаютъ прямое или косвенное участіе; однако, можно утверждать, что не они

составляют душу предпріятія и даже не имъ достаются главные барыши. Сознаться не хотять ни въ чемъ и ни за что, не отказываясь даже отъ признанія, что то или другое ими проданное поддѣльно; не хотять назвать ни работниковъ, ни тѣмъ болѣе руководителей всего дѣла, но что таковыя есть, кажется, я вправѣ утверждать изъ всего мною слышаннаго. Повидимому, можно считать вѣрнымъ, что большая часть работы, въ золотѣ и надписяхъ, дѣлается въ Одессѣ; приходилось мнѣ слышать указаніе даже на Вѣну, по этому я плохо вѣрю. Во всякомъ случаѣ, дѣло ведется такъ давно, настолько открыто и такъ широко распространено, что недоступное частному изслѣдованію, несомнѣнно легко и просто будетъ открыто лишь только за это возьмется надлежащая судебная власть и хороший сыщикъ. Для себя мы этого не могли добиться, но теперь обработали иностранцевъ, въ частности еще и друзей - французовъ; остается надѣяться, что если они похлопочать, то для нихъ сдѣлають, чѣмъ и насъ избавятъ отъ волны поддѣлокъ, угрожающей затопить все дѣло документальнаго познанія нашего уголка древняго міра.

Ялта.
Августъ, 1896 г.

P. S. Изложенное выше давно написано и набрано, перемѣнить трудно, да и нѣтъ и надобности, хотя неожиданное стеченіе обстоятельствъ позволило мнѣ быть въ Парижѣ и самому увидѣть тіару Сайтафарна. Этимъ послѣднимъ я обязанъ самой совершенной и любезной предупредительности гг. директора и консерваторовъ Луврскаго музея, а въ особенности участію и вниманію г. Сол. Рейнаха; долгомъ считаю привести всѣмъ этимъ лицамъ мою самую глубокую благодарность. Я прошу ихъ вѣрить, что съ особымъ удовольствіемъ готовъ былъ бы признать свое мнѣніе ошибочнымъ, а вещи подлинными; къ сожалѣнію, довольно тщательный осмотръ всего не поколебалъ моего мнѣнія и къ вышесказанному мнѣ остается сдѣлать лишь нѣсколько дополненій.

Патина на тіарѣ и ожерельи не такъ густа, какъ то мнѣ казалось по описанію, но столь-же подозрительна, хотя, конечно, я и не могъ ее попробовать кислотою или щелочами.

Работа вообще тіары превосходна, самага тонкаго чекана, лучше чѣмъ то кажется по рисунку и чѣмъ было все до сихъ поръ мною видѣнное въ поддѣльныхъ вещахъ. Едва-ли такой рисунокъ и чеканъ возможны въ Одессѣ, такъ что по неволѣ приходится придать значеніе ходящимъ у насъ слухамъ, указывающимъ на Вѣну, какъ на мѣсто поддѣлокъ; къ тому-же и продана была тіара вѣнскимъ торговцемъ, лишь съ указаніемъ на то, что все найдено въ Ольвіи. Есть однако и промахи, не замѣчаемые на рисункѣ: внутри тіары есть внизу шпильки, а вверху крючекъ, мѣдные, назначеніе ихъ мало понятно, но зато видъ вполне античный; змѣя на верху оказывается не одна свившаяся въ кольцо, а свозъ первую пропущена шея и голова второй что и не красиво и смысла не имѣетъ и конечно, не въ духѣ древней работы.

Ожерелье я держалъ въ рукахъ, но не имѣлъ возможности, какъ чужую собственность, серьезно испробовать. Работа и здѣсь превосходна; очень много частицъ подлинныхъ, какъ напр. всѣ стекла и гранаты, овальные подвѣски ожерелья, вѣроятно барабанъ головка; въ общемъ впечатлѣніе хорошее. Однако, есть многое и очень подозрительное. Прежде всего система ожерелья, точно какъ у всѣхъ фальшивыхъ; цѣпочки такія какихъ я никогда не видывалъ у насъ, ни въ какой древней вещи, гдѣ бывають или плетенныя, какъ коса и шнурокъ, или въ родѣ цѣпи Вокансона, здѣсь-же употреблены подобныя обыкновенной цѣпи (якорной), именно такія и на нашихъ фальшивыхъ ожерельяхъ; наконецъ, изобиліе стекла и только два граната—столь легко доставаемого въ Керчи—совершенно не вѣроятно въ такой драгоценной вещи; всѣ эти тончайшія стекляныя бусинки и подвѣски разлетѣлись-бы въ дребезги послѣ нѣсколькихъ дней ношенія ожерелья, которое только для этого и предназначалось. Въ объясненіе слышанныхъ мною возраженій прибавлю, что вставка древняго стекла въ новую вещь, по видимому, не представляетъ особыхъ затрудненій, такъ какъ именно этотъ способъ употребленъ въ весьма многихъ фальшивыхъ вещахъ, описанныхъ выше. Стилъ и золото ожерелья не сходны съ тіарой и, кажется со словъ продавца, это объясняется полученіемъ вещей изъ двухъ различныхъ находокъ; тѣмъ болѣе удивительно, что мы здѣсь никогда, ни объ одной, ничего не слышали.

Съ большимъ сожалѣнемъ высказывая неблагопріятныя мнѣнія о подлинности Луврскихъ пріобрѣтеній, я радъ возможности взять пазадъ одно изъ серьезныхъ доказательствъ ихъ поддѣльности, хотя и остающихся довольно: выше я говорилъ, что предлагается одному любителю второй экземпляръ тиары; полученныя объ этомъ, болѣе подробныя свѣдѣнія говорятъ иное; предлагается что то особенное и чрезвычайное, но, по краткому описанію, не сходное съ тиарой Сайтафарна и, повидимому, подлинное.

